

Фокин Юрий Викторович родился в Воскресенске 24 мая 1974 года. Образование высшее. Член воскресенского литературного объединения «Радуга» имени И.И. Лажечникова. Член редколлегии приложения к газете «Наше Слово» «Воскресенск литературный».

В газетах «Наше Слово», «Искра-ТВ» публикуются статьи, рассказы, очерки. Публикации сопровождаются фотографиями (лауреат и дипломант московских и областных фотоконкурсов). Автор фоточасти литературно-художественного календаря «Именем города выверен путь!», приуроченного к 70-летию Воскресенска. Автор художественных фотооткрыток «В старинном таинственном парке...», посвящённых 85-летию Воскресенского района. Выпустил фотокнигу «Птицы нашего края». Фотографиями иллюстрировал книги воскресенских и болгарских авторов. Также очерки и рассказы вошли в альманах «Воскресенск – моя родина светлая...», в антологию писателей Болгарии и России «Созвучие 2», в сборник рассказов «Серебряный родник 2», в международный литературно-художественный альманах «Серебряный дождь 2», в болгарский альманах «Светопис». Занял 3 место в районном литературном конкурсе «В память 70-летия разгрома фашистских войск под Москвой» в номинации «Проза». Член Союза журналистов России.

Уваровские посиделки

Юрий ФОКИН

Юрий ФОКИН

Уваровские посиделки

9 785906 438300

Юрий ФОКИН

Уваровские посиделки

Коломна
Издательский Дом
"Серебро Слов"
2014

УДК 821.161.1-3 **Фокин**
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ф75

Фокин Ю.В. Уваровские посиделки. Рассказы и очерки. –
Коломна: Издательский Дом «Серебро Слов», 2014. – 124 с.:

В книге — воспоминания моего детства, рассказы и очерки о
костромской деревне прошлого века, о деревенской жизни и лю-
дях, некоторые краеведческие заметки.

ISBN 978-5-906438-30-0

© Фокин Ю.В., 2014
© Фокин Ю.В., графика, 2014
© Фокин Ю.В., фотоиллюстрации, 2014
© Фокин Ю.В., фотографии, 2014
© Издательский Дом «Серебро Слов», 2014

Сохраняя память рода

Для русской души бытийность деревенской глубинки вызывает какой-то неизбывный благоговейный трепет. Ещё бы! Там самые корни нашего давно уже урбанизированного уклада. Там в разнотравной первозданности, замотанные, мы ищем умиротворение и покой.

Подыгрывая нашим ностальгическим миражам, воспоминания иных мемуаристов-деревенщиков нередко носят лубочный характер с налётом былинности. Желая передать сельский говор, повествующие переходят на какой-то неведомый, «посконный» язык, подчас сродни классическому ильфо-петровскому: «Инда взопрели озимые. Рас-супонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился...».

Юрий Фокин, с явной радостью смакуя в своей книге трогательные подробности детского восприятия мира малой родины своих предков, смог всё же избежать этой сладкой пейзажности. А вкрапления в текст оборотов и выражений говори Верхнего Поволжья совсем не кажутся нарочитыми, но придают рассказу оттенки чего-то сокровенного, даже сакрального.

Да, обычаи и уклад русской деревни не постепенно, а уже стремительно уходят в историю. А как хочется сохранить в памяти и в душе тот как бы неторопливый, добрый, но наполненный повседневным нелёгким трудом сельский уклад!..

Герои и сюжеты книги не искусственные, не лакированные, а такие, как есть. Хотя бы и через призму восторженно-наивного детского восприятия. В воспоминаниях – мы все такие дети! Не надо доказывать, что с возрастом воспоминания счастливо-беззаботной, юной да к тому же летней

поры имеют самый лучший «терапевтический эффект». Мы омолаживаемся душевно, да и телесно тоже. Рассказы Юрия Фокина такой «терапией» обладают в полной мере.

Автор деликатно, с любовью повествует о жизни, подробностях быта и характеров бабушки, дедушки и их деревенских «поседок».

Вряд ли оставят равнодушными зримо осязаемые детали, будь то хитрости розжига печи и самовара, плетения плюшек и колки дров либо подсмотренные повадки животных и птиц. А какая ж деревня без сумеречных страшилок о леших и ведьмах! И вдруг понимаешь, что даже некоторая кажущаяся «красивость» интонаций на самом деле суть светлой восторженности открывающего мир и чувства босоного «беспортошного» детства.

Радует, что для Юрия Фокина важны не просто семейные биографии и предания, но увлечённое познание «откуда есть пошёл» его род, краеведческие изыскания истории родимой деревни и её округи. Из этого, собственно, и проистекают по-пушкински святыя чувства «любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам». Чего нам так недостаёт в осознании истин прошлого и без чего не приходит понимание будущего.

*Виктор Лысенков, Член высшего творческого совета
Московской областной организации Союза писателей России*

ОТ АВТОРА

В этой книге – воспоминания светлого моего детства, рассказы моей бабушки и других жителей деревни, очерки о деревенских людях – скромных, совестливых, работающих, некоторые краеведческие поиски. В книге нет вымысла, все истории и герои настоящие.

Этим хочу оставить память об уходящей деревне, о людях, о безвозвратно уходящих вместе с людьми местных старинных словах и выражениях, рассказах о былом.

Те, кто знаком с деревней, найдут в книге что-то знакомое, родное. Может, вспомнят своё детство, своих бабушек и дедушек. А тем, кто в деревне никогда не жил, будет интересно узнать о деревенской жизни, ибо она совсем другая, нежели в городе.

Иллюстрации в книге сделаны из моих фотографий с видами деревни.

Выражаю благодарность за помощь в создании книги Тамаре Васильевне Галашиной, Наталье Сергеевне Дунаевой, Валентине Николаевне Гусевой, Виктору Ивановичу Лысенкову.

*Книга посвящается
дедушке Бороде Ивану Степановичу
и бабушке Татьяне Александровне*

КТО РАНО ВСТАЁТ...

Рассказы

*«Деревня – наши истоки, наши корни.
Деревня – материнское лоно, где зарождался
и складывался наш национальный характер».*

Фёдор Абрамов

ПЕРВАЯ ЯГОДА

Мало что вспоминается из самого раннего детства, но точно запомнилось, что лесная земляника была первой ягодой, с которой познакомила меня бабушка Татьяна.

Был июнь, тёплый, солнечный и в меру дождливый. В тот день бабушка решила взять меня с собой по землянику. Она надела дедову курточку, сэкономленную от его рабочей шофёрской одежды, взяла себе пол-литровый пробник (так у нас в деревне называют пол-литровую банку), а мне – большую гранёную стопку. И мы сошли с крыльца навстречу душистому, жужжащему дню. Миновав колодец, вышли из деревни в зелёное овсяное поле, в котором то тут, то там качались на лёгком ветерке бело-жёлтые ромашки и синие васильки. Где-то в жёлто-голубой вышине звенел неутомонный жаворонок. Дошли до широкого ручья Олёнкино, впадающего в Волгу. Бабушка взяла меня за руку, и мы, осторожно ступая по трём сосновым плахам, перекинутым с берега на берег, перешли на ту сторону. Сладко запахло хвойным лесом. Слева нас сопровождали молодые ёлочки, переходящие дальше в сосновый лес, а справа – Волга. Впереди лес уже вплотную подбирается к волжской воде.

Вот мы и на месте. Бабушка показала мне ягодник, расплзшийся по боровкам, на которых росли молоденькие ёлочки нежно-салатового цвета. Сорвала одну спелую ягоду, дала мне попробовать и сказала, чтобы я теребил красные, а

белобокие не брал – они должны ещё вызреть. Достала посудины, и стали мы собирать землянику: она на одном боровке, я на соседнем. Спелых ягод было много. Они так и светились на солнышке своими красными боками с маленькими золотистыми зёрнышками. Но были и белобокие, и зелёные, а также ещё много белых маленьких цветочков с жёлтой сердцевинкой.

Я теребил ягоду за ягодой, больше, конечно, клал в рот, чем в свою склянку, больно уж ягода вкусна. Вот уже и дно покрыл. Сунул в посудину нос и удивился – до чего душистый и сладкий земляничный дух! Так бы и дышал им всё время. Бабушка подошла посмотреть, как дела. Увидела, что маловато у меня. А она-то набрала уже почти полбанки. С улыбкой отсыпала ягод в мой стаканчик до половины. Мне сразу стало веселее, появился азарт натереть ещё больше. И я собирал с новой силой.

Сколько насекомых вокруг меня! С цветка на цветок перелетали мохнатые жёлто-чёрные шмели. Порхали нарядные рыжие бабочки. Стрекозы шуршали своими прозрачными, жёсткими, в мелкую сеточку крыльями. Стрекотали зелёные кузнечики. Прыгали какие-то маленькие блошки. Ползали вверх и вниз по травинкам и стебелькам муравьи и божьи коровки. Жужжали разных цветов большие и маленькие жуки. Паучки плели между листиками своё тенето. Приставали ко мне и кусачие слепни-чернушки.

Вскоре мне опять надоело собирать в стопку, и я стал лакомиться каждой ягодой. Бабушка уже набрала полную банку, и я попросил её отсыпать мне. Она утёрла мне ягодный рот и наполнила мою посудину чуть не до краёв. У меня опять подъём настроения. Столько набрал, пусть и с бабушкиной помощью, какой я молодец! Подносил к носу склянку, зем-

ляничный дух усиливался и кружил голову, я всё вдыхал и вдыхал душистый аромат.

Вот бабушкин пробник и моя стопка полны. Пора и домой. Перейдя ручей, я сказал бабушке, что устал, и попросил её взять меня на «закукры». Мы остановились. Она опустила свою банку в карман курточки, банка аккуратно туда вошла, а мою стопку поставила в другой карман, прижав её сорванным пучком овса, чтобы не кувырнулась. «Ну, залезай», – сказала бабушка. Я запрыгнул ей на спину, обнял её за шею, а она подхватила мои ноги. Так я и ехал на бабушке по овсяному полю, как будто плыл по зелёному волнующемуся морю. В конце поля бабушка устала, и я спрыгнул. Она очень любила цветы и насобирала в овсе большой букет ромашек и васильков. Пока она рвала цветы, я стоял на тропинке и наблюдал, как резво с неожиданными поворотами расчерчивали синее высокое небо чёрные стрижи.

Домой пришли с ягодами и цветами, уставшие и довольные.

Так я познакомился с маленькой душистой и чудесной ягодой земляникой.

КТО РАНО ВСТАЁТ...

– Юраха, Юраха, – тихим голосом будит меня бабушка. При этом сквозь сон чувствую лёгкое покачивание за плечо. – Просил ведь вчера разбудить печь затоплять да плюшки делать. Спи-ко, спи, андел, я сама всё сделаю, рано ещё. Выспался бы, как белый лён.

Действительно, как хочется продолжить детский сон. Заставляю себя подняться, а сам так бы и брякнулся обратно на подушку и тотчас бы заснул. Но желание сделать взрослое дело – затопить печь и самому настрять плюшек послаще да покрасивее, как мне надо, всё таки пересиливает. Поднимаюсь, сажусь на край кровати. Как зябко в избе! Окна запотели, на улице ещё не светло – серо и туманно. Зеваю, медленно одеваюсь, неуверенно иду за печь под полаты к рукомойнику, пробую воду пальцем – холодная. Мочу два пальца, протираю сонные глаза – вот и умылись.

В кути пахнет тестом и начинками для пирогов. Тесто бабушка растворила вечером, а к утру оно уже поднялось. Так удобнее: растворить вечером, испечь рано утром, а днём можно заниматься деревенскими делами или пойти в лес по ягоды или по грибы, и дома с утра тепло – в этом есть деревенская мудрость.

Подхожу к печи, на шестке уже готова клетка дров с газетной бумагой, положенной меж двух нижних поленьев и берестой для розжига. Бабушка подаёт мне фиолетовый спичечный коробок из деревянного шпона ещё из старых запасов.

Вот оно – счастье. Я поджигаю бумагу, она понемногу разгорается, передавая пламя бересте, которая занялась сразу, затрещала, добавив жару. Бабушка взяла два ухвата, упёрла их в торцы двух нижних поленьев и задвинула разгорающуюся клетку с шестка в печь. Внутреннее пространство печи осветилось ярко-оранжевым светом так, что стал виден каждый кирпич стен и полукруглого свода. Началось огненное действо.

Я взял деревянный табурет, поставил перед печью и сел на него. Смотрю, как разгораются дрова. Запахло дымком – где-то трещинка в старой печи. Я выставил озябшие от холодного умывания руки вперёд, рукам стало тепло, скоро я согрелся. Пламя охватило все поленья, и жар из печи усилился, я почувствовал, как от него покраснелось моё лицо. Пришлось немного отодвинуть табурет на безопасное расстояние.

Завораживающее зрелище! Интересно смотреть на огонь, как языки пламени пляшут на поленьях, поглощая древесину. Дрова при этом трещат и пищат от такого жара. Чувствую, как огонь, мерцая, отражается на моём лице. Когда глядишь на огонь, нет никаких мыслей, словно он их тоже поглощает. Языки пламени зачаровывают.

– Юраха, иди плюшки делай, – возвращает меня к действительности бабушкин голос.

Оборачиваюсь – уже готовы пироги. Не знаю, сколько времени я таращился в печь, судя по количеству пирогов – долго. Они лежат ровными рядами на двух противнях, белые, с двумя и тремя наколками вилкой для различия: какие пироги с грибами и луком, а какие с зелёным луком и яйцами. А на столе бабушка уже раскатала большой круг теста для плюшек.

Оставляю своё зрелище, подхожу к столу и обильно поливаю круг растительным маслом.

– Куды столько льёшь, вытечет ведь, – говорит бабушка.

– Зато вкуснее будет, – отвечаю.

Размазал масло ложкой по тесту. Бабушка любит внуком. Насыпал сахарного песку столько, сколько мне нужно, – конечно больше, чем насыпала бы бабушка. Крупинки белого сахара превратились на тесте в прозрачные, впитав в себя масло. Затем посыпал маком из гранёной стопки. Обмакнул пальцы в муку, и мы начали сворачивать тесто в рулет. Масло стало выходить по краям – действительно многовато налил.

Дрова в печи продолжают трещать, в избе пахнет дымком, подсолнечным маслом и сырым тестом.

Рулет готов. Отрезаю ножом часть, надрезаю её посередине и выворачиваю разрезом наружу, как учила бабушка. Получилась красивая, сочная, похожая на цветок розы сахарная плюшка, или витушка, как её ещё называют, похожая на цветок розы. Так и переделал весь рулет. А сверху плюшки ещё немного сахаром посыпал – вот вкусно-то будет! Дело сделано.

Мою руки, возвращаюсь к завораживающей игре пламени. Скоро должно случиться ещё одно событие. Я опять занимаю табурет, как место в зрительном зале. Огонь уже по-

рядком пообглодал деревянную клетку, вот-вот она рухнет. Я смотрю во все глаза, боясь моргнуть, чтобы не пропустить удивительного момента. И вот наконец огонь сделал своё дело: клетка с хрустом разваливается, тут же взлетает яркий сноп искр и освещает нутро печи. Дождлся. Сижусь с блаженной улыбкой, довольный новым представлением.

Больше ничего интересного уже не будет. Дальше всё обычно. Головёшки догорят. Бабушка достанет из подпечья кочергу на деревянном черенке, разобьёт ею крупные угли, распределит их, пышущие жаром, переливающиеся красным мерцанием и чуть подёрнутые пеплом, равномерно по подду и подаст в печь на большом ухвате противни с пирогами, затем чугунную сковороду с моими плюшками, поставит к устью заслонку и закроет задвижку в трубе, чтобы жар не выходил.

Бабушка всё так и сделала и ушла за утренним молоком к своей сестре Наталье. А мне осталось ждать, когда моё рукоделие будет готово. Я в предвкушении вкусного завтрака.

Дома стало тепло. На улице вовсю светит солнце – прекрасное раннее утро.

Пришёл с гулянки кот, царапался в дверь, пока я его не впустил.

Вернулась бабушка. Вскоре в избе запахло пирогами. Они вместе с плюшками румяные стоят на столе в передней в двух тарелках. Плюшки масляные, поджаристые, сахарные – очень аппетитные, всё-таки сам делал. Рядом банка с молоком.

– Юраха, давай исть, – говорит бабушка, – кто рано встаёт, тому Бог даёт.

ЗАПАХ ДЕДУШКИНОЙ МАШИНЫ

Мне было около шести лет. Дедушка ещё работал шофёром на крахмало-паточном заводе. Почти каждый день он приезжал домой на обед.

За двором раздался звук подъезжающей машины.

– Чу! Дедушка едет! – сказала мама. Я бросил свои дела, сунул ноги в сандалии и выскочил на улицу. Грузовик подъехал к черёмухе сзади дома, чуть не доехав до таза с водой для кур. Из машины, хлопнув дверью, вышел дедушка Иван Степанович. Высокий, в серой рабочей куртке, из-под кепки выбивались седые волосы. Дедушка улыбнулся мне, поздоровался и направился в дом обедать.

Его машина небесно-голубого цвета неподвижно смотрела на меня своими большими, выпуклыми глазами-фарами в чёрных ободках. Они с указателями поворота находились на полукруглых вынесенных крыльях колёс. Моторный отсек с покатым капотом, расширяясь, плавно переходил в округлую кабину. Капот закрывался на старомодные «рогатые» пружинные фиксаторы. На боковинах моторного отсека надпись: «Горьковский Автомобильный Завод». Ветровое стекло ломаное, с перемычкой. С дверей в стороны, широко за деревянные борта кузова, выдавались «уши»-зеркала. Перед радиаторной решёткой с одинаковыми вертикальными щелями – чёрный клыкастый бампер с номером: «80-32 кои». Весь облик машины с его неповторимой эстетикой говорил об автомобильной моде 40-х – 50-х годов XX века. Дедушке очень подходило работать на этом автомобиле, потому что он тоже был «дедушкой» – старенький ГАЗ-51.

Я подошёл к «газику». Разгорячённая машина словно ещё дышала после долгого пробега. Под капотом что-то продол-

жало шипеть, что-то щёлкало. От радиаторной решётки шёл жар. Запах, который исходил от мотора, дурманил голову. Это был запах бензина, моторного масла и ещё чего-то технического. Я никак не мог насладиться им. Мне очень нравился этот пленительный запах, который запомнился на всю жизнь.

А что в кузове? Подойдя к заднему колесу, залез на него, держась за борт, и заглянул в кузов. На этот раз под брезентом была кукуруза. Пошарил одной рукой в ярко-оранжевых, словно костяных, кукурузных зёрнах. Спрыгнул с колеса, вытер пыльную руку о шорты. Открыл дверь и залез в кабину – сейчас «поедем»! В кабине жарко, несмотря на открытые форточки. Солнце печёт сквозь лобовое стекло. Горячо сидеть голыми ногами на нагретом коричневом дерматине сиденья. Открыл дверь и ещё раз хлопнул ею, как заправский шофёр, чтобы опять услышать металлический звук дверного замка. Взялся за баранку, нажал педали, дёрнул рычаг, вдыхая неповторимый машинный запах. «Поехали»! Стал завывать, имитируя работу мотора. Качался из стороны в сторону и прыгал на пружинном сидении, якобы ехал по неровностям дороги. Крутил руль, библикал, пугая гуляющих вокруг кур. Вместе со мной «ехали» слепни. Они с жужжанием стучались о лобовое стекло, не выпуская их из кабины-ловушки, а через форточки, видимо, вылетать не хотели. Я «ехал», «ехал» куда-то и наслаждался этим до тех пор, пока из дома не вышел дедушка. «Приехали»!

Я попросил его прокатить меня за деревню до черёмухового куста. «Тогда двигайся», – согласился он. С радостью я перелез на пассажирское место. Дедушка завёл мотор ножным стартером, включил заднюю передачу, библикнул, как полагается по правилам, и машина послушно попятилась

назад, завывая мотором и коробкой передач. Развернулись. Вырулили на дорогу. Машина стала набирать скорость, и мы помчались с ветерком вдоль деревни, оставляя за собой пыльный след. Я был рад и доволен. Деревню проехали быстро, слева продолжали мелькать сосенки бора. Но вот уже и черёмуховый куст. За ним дедушка остановился. Я поблагодарил его и прыгнул с подножки, хлопнув дверью. Машина тронулась, качая бортами, легко взбежала на взгорок, что у фермы, и скрылась за ним, оставив после себя оседающее облако пыли.

Мне очень нравился этот грузовик. Я любил кататься на нём с дедушкой. Не было никаких сомнений в том, кем я стану, когда вырасту. Когда меня спрашивали, кем бы я хотел быть, я отвечал: «Хочу стать дедушкой!» Люди удивлённо поднимали брови и неоднозначно улыбались. Но я-то знал, что хочу стать шофёром, как дедушка... И стал им. Я больше года работал на грузовике ГАЗ-52 с таким же двигателем, какой стоял на дедушкиной машине. Моя мечта сбылась.

ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОК

В жаркий летний полдень я решил пойти на Олёнкино посмотреть, как пасутся коровы. Мой путь пролегал по дороге вокруг зелёного овсяного поля. Пусть так длиннее, но намного интереснее, чем идти полем короткой тропой. Под разнообразное стрекотание насекомых и звонкие трели жаворонка в синей вышине, загребая ногами дорожную пыль, я дошёл до Олёнкина.

Это впадающий в Волгу довольно широкий ручей, похожий на небольшую речушку с перекинутым с берега на берег мостиком. Здесь, бывало, ловили краснопёрку. А почему это место так называется, никто уже из деревенских не помнит.

За Олёнкином находится треугольного вида луг. У ручья он широкий, а по мере удаления от него сужается, потому что еловый лес там подступает к самой Волге. Коровы переходят ручей выше по течению, где в неглубоком овраге есть брод.

Я перебрался по мостику на ту сторону. Подошёл к мужчине, сидящему на бугорке. Он коренастый, годится мне в деды. У него круглое загорелое лицо с множеством морщинок в уголках глаз то ли от хитрости, то ли от весёлого нрава, а может, от того и другого вместе. В загорелых руках палка. Это Вагин, пастух. Его все в деревне так зовут, по фамилии, и я так называл, за глаза, конечно, пока не узнал от бабушки его имя – Владимир. Говорят, раньше он был хорошим гармонистом.

– Здравсте.

– А, Юра, здорово, – подаёт мне свою большую грубую ладонь. – На коров пришёл посмотреть или мне помочь стадо попасть? – смеётся.

– Посмотреть, – говорю.

– Смотри, не жалко, только близко не подходи.

– Ладно, – отвечаю.

Недалеко от бугорка, на котором сидит Вагин, – шалаш из нескольких пар толстых веток, покрытых полиэтиленом. Мне, мальчишке, интересно это сооружение, укрывающее пастуха во время дождя.

Коров немного. наших уваровских только шесть. Да с соседней деревни, которую называют Хутором, тоже около того. Коровки все разные: чёрные и белые, бурые и пегие, хлещут себя хвостами, отмахиваясь от назойливых слепней. Некоторые лежат, другие стоят и жуют душистую луговую траву, переступая с ноги на ногу. Одна корова чешет рогом свой бок, выпучив глаз.

Красота вокруг необыкновенная. Слева лес, справа Волга. Солнце светит в ясном небе. Пахнет луговыми цветами и травами. Птицы щебечут и посвистывают на разные голоса, перелетая с былинки на былинку. Мирно пасётся стадо. Благодарить. Где-то за островом Якушкином вверх по Волге, тихо тарахтя, идёт баржа-самоходка.

Вдруг одна корова протяжно замычала, за ней другая, я поворачиваю голову в ту сторону, куда глядят рогатые. Они увидели своих хозяек. Женщины приближаются по одной-по две с дойниками в руках. Переходят ручей. Подходят к своим послушным бурёнкам, ласково зовут их по именам и устраиваются для дойки. Весело зазвенели струйки молока. Дойники наполнены, и хозяйки накрывают и перевязывают их марлей, чтоб в молоко не попали насекомые и сор.

Я вдоволь насмотрелся, как женщины доят коров. Налюбовался окрестным пейзажем, проголодался и отправился назад через поле, полное васильков и ромашек, домой к обеду.

Вечером, когда солнце опустилось к горизонту, я вышел за избу на дорогу. Смотрю – соседка Тamarочка Борякина вышла встречать свою корову, значит, стада ещё не было. Это полная пожилая женщина с круглым лицом. Борякина – это не фамилия, её мужа зовут Борис, а в деревне его кличут Борякой. Вот такая семья – Боряка и Тamarочка. Она родом из-за Волги, поэтому у неё другой говор, нежели у наших деревенских.

В золотистом облаке пыли, освещённом вечерним солнцем, идут круглобокие коровы домой.

– Марта, Марта, Марта, Марта, – кличет свою кормилицу Тamarочка.

Одна бурёнка отделилась от стада и, качая рогатой головой, направляется к хозяйке. Где-то здесь идёт Ракета – корова бабушки Натальи, у которой мы берём молоко. За стадом

не спеша бредёт Вагин. Я присоединяюсь к нему, и вместе мы идём за коровами дальше вдоль деревни. Ещё одна корова выходит из стада, её кличет тётка Маня Филиппова, заулыбавшаяся, увидев меня рядом с пастухом.

– Хочешь рубль заработать? – неожиданно предлагает мне Вагин, подходя к прогону.

– Хочу, – обрадовался я.

– Тогда гони стадо на Хутор, только к ферме его не пускай. Вот тебе палка, замахнёшься на коров, они и испугаются, а я домой пойду. Хорошо?

– Ладно, – отвечаю.

Вагин погнал уваровских коров в прогон деревни.

Я остался наедине с хуторскими бурёнками, довольный порученным мне ответственным делом. Сразу почувствовал себя важным. И в то же время немного боялся: они большие, рогатые. Их много, а я один. Вдруг какая из них бодается?

Коровы без остановки идут дальше. Я пошёл за ними, вооружённый палкой, как самостоятельный пастух. Нужно ли было моё присутствие? Коровы сами знали дорогу домой. Надо только не пустить их на ферму.

Вдруг стадо оживилось, коровы заревели и, ускорив шаг, повернули к ферме. Случилось то, чего я боялся. Что делать? Нужно как-то отгонять их. Замахнулся палкой на рогатую скотину, а сам боюсь: рога-то у них больно остры. Коровы на меня не обращают никакого внимания. Мычат и идут к ферме, мотая мордами. Что им девятилетний мальчик! Расстроился – не слушаются меня коровы. «Пропал мой рубль», – думаю.

Положение спас Вагин. Он, видно, наблюдал за мной от прогона или услышал, как коровы заревели. Прибежал, взял у меня палку и с матерными словами отогнал скотину от фер-

мы. Если бы я мог употреблять такие слова, то, может, и я бы справился?

Мне осталось проводить коров до Хутора. Там хозяйки встретили своих бурёнок, удивлённо посмотрев на нового малолетнего пастуха.

За всё оставшееся время, что я прогостил в деревне во время летних каникул, Вагин к нам не зашёл. Конечно, я же не справился с задачей. А потом и вовсе забыл об этом.

И вот однажды зимой я получил письмо от бабушки, из конверта выпал жёлтый бумажный рубль. Я подумал, что это бабушка с дедушкой мне на гостинцы прислали, – они иногда баловали меня таким образом. Но рубль оказался от Вагина, бабушка написала об этом. Я очень обрадовался: Вагин выполнил своё обещание. Это был мой первый заработок.

БАБКА САША

Своё раннее детство считаю до девяти лет. Из той поры мало что помнится, но что-то, наоборот, врезалось в память.

Бабка Саша – родная сестра моей бабушки. Жила она в соседнем доме, такой же избе в три окошка по лицу, как и наша. Я запомнил её такой: невысокого роста, в длинной юбке, в чёрной плюшевой тужурке, из-под серого вязаного платка выбиваются пепельно-седые волосы, на устах почти всегда улыбка.

В деревне её звали Розгула. Потому что в молодости была весёлой, заводной, любила петь и танцевать. Говорила подругам: «Пойдёмте, девчонки, разгуляемся». Трёх дочерей вырастила: Ангелину, Альбину и Римму. До пенсии работала в горячем цеху – в кочегарке паточного завода, работа нелёгкая. От жары несколько раз падала в обморок, хорошо, не одна была. Работала в кирзовых сапогах не по размеру, их выдавали как спецодежду. Они спасали от жара, в них же и домой ходила, берегла свою обувь. Пенсию, тем не менее, потом получала мизерную. Добрейшая женщина. Никогда не отказывала в просьбах родным сёстрам: хоть сена коровам накосить, хоть сгрести и стога наметать, а в сентябре помогала рыть картошку.

За водой на колодец она ходила мимо нашего дома. Бабушка мне говорила: «Карауль, когда бабка Саша обратно пойдёт, да зови её к нам чай пить». Я забирался на бабушкину кровать, лёжа на животе, смотрел в окно и ждал. Вокруг нашего дома не было забора, все тогда ведь жили открыто, огорожены только огороды, и поэтому в боковое окно был виден весь конец нашей улицы до самого колодца. Сруб колодца скрывался за забором огорода тётки Нюры Задоровой, виден был только колодезный журавль. Я наблюдал, как журавль наклонялся один раз, потом второй раз, и немного погодя из-за серого забора выходила бабка Саша. Одна её рука придерживала коромысло, другая в стороне в противовес. Она приближалась тихим уверенным шагом, немного сторбившись под тяжестью двух ведер воды, которые немного покачивались. Когда она подходила, я соскакивал с кровати к переднему окну, стучал в стекло и кричал: «Бабка Саша, иди к нам чай пить!» Она с улыбкой осторожно кивала головой, боясь расплескать воду.

Бабка Саша приходила к нам с конфетами и со своим на-

мазанным маслом хлебом. Угощала меня конфетой-«батончиком», и мы пили чай из самовара за большим обеденным столом в передней.

В другой раз заходила к нам бабка Саша, бабушка приглашала её пить чай, а она говорила в ответ: «Спасибо, я лучше папиросочку». Садилась прямо на наш высокий порог. Доставала из своей плюшевой тужурки пачку «Беломира» и спички. Вытаскивала папиросу, сминала у неё бумажный мундштук, как делают мужики, затепливала спичку и прикуривала. Махала рукой со спичкой, чтобы та утасла, и совала её в коробок с обратной стороны. Щурила глаза от дыма. Лампочка без абажура в кути испускала тёплый жёлто-оранжевый свет. В свете лампочки медленно, причудливо извивался синий табачный дым. Закашливалась бабка Саша, кашляет, кашляет, да и кашлять полно. Выкуривала папироску, вставала с ойканьем, шла в заулочек между пе-

чью и стеной под полати и бросала окурок в бадью под ручкомойник. Возвращалась и говорила: «Ну, теперь вы ко мне посидеть приходите».

Это почти всё, что я помню о бабке Саше.

НАУКА О ДРОВАХ

Он играючи махал топором, уверенно и, казалось, легко. Топор взлетал и обрушивался на чурбак, стоявший на кряже, – только поленья с треском разлетались по обе стороны.

– На каникулы приехал, говоришь? Отучился? Теперь поучись, как надо с дровишками разговаривать. В деревне пригодится. Тут тоже наука нужна. А ты как думал?! Без науки намаешься, без дров останешься или, не дай бог, по ноге маханёшь. Поэтому сначала надо правильно встать: ноги пошире, вот так. Если топор и соскочит с чурбака, то не по ногам. Понял, пацан? Это первое правило!

Топор опять зазвенел в его руках, замелькал вверх-вниз. Поленья в стороны отлетают.

– Если не колется чурка, посмотри, в какую сторону сучки направлены. Если вверх – переверни, чтобы смотрели вниз, так быстро расколешь её, по волокнам-то. Ты же кошку свою против шерсти не гладишь? Вот! А если чурка с трещиной попадётся, старайся попасть топором вдоль трещины, – она сама расколется. Дрова колют, пока они сырые. Сухая-то древесина крепкая, твёрдая, хоть лешака вызывай колоть. Что улыбаешься? Видишь, сколько знать надо. А ты спрашиваешь – «какая наука»!

Он поставил на кряж следующий чурбак. Плюнул на свои большие натруженные ладони, растёр. Взялся за гладкое, отполированное его мозолями топорщице. Размахнулся. Хрясь! Чурбак не раскололся, лезвие увязло в древесине. Тогда он

поднял топор вместе с чурбаком, перевернул в воздухе обухом вниз и с выдохом обрушил о кряж. Чурбак глубже наскочил на топор и разлетелся надвое.

– И так можно, если не колется. Видал? Учись! Сделаем из тебя настоящего деревенского парня, всё уметь будешь! Понюхай, понюхай, как берёзовое поленко-то пахнет. Чуешь свежесть северного леса? Запах природы! Не надышишься. Это тебе не асфальт в городе нюхать.

Он продолжал махать этим нехитрым инструментом. По обе стороны кряжа росли кучки поленьев.

– А ты знаешь, что дрова даже горят по-разному? Где тебе знать! Вот, например, ты печку затопил, а дым в избу, тяга никудышняя – подкинь осиновых поленьев, осиновый дым всё прочистит, протянет, и топи дальше.

Самые хорошие дрова – берёзовые, жаркие. Ими хорошо зимой топить да баню. Это ты, поди, знаешь? Ну, вот. Еловые плохие дровишки – смолянистые, трещат в печи, углями стреляют, того и гляди, горячий уголёк выскочит, – посматривать надо. Ёлку хорошо на жерди да на столбы пускать. Уяснил?

Много наколол. Говорит, а сам начал поленницу складывать у двора.

– Вот, даже поленницу сложить – и то знания да умения нужны. Ты думаешь, клади да клади поленья? Нет, брат. Тут не пройдёт: «криво, да век жило». Упадёт. Каждое полено своё место любит!

– Если у стены складываешь, – продолжал он, – как у меня вот, нижний ряд немного отодвинь от бревна да складывай с небольшим наклоном к стене. Поленница никуда и не денется, падать ей некуда. За наклоном надо следить. А то кошка запрыгнет, и вся работа насмарку, а то и самого завалит. По-

ложил несколько рядов – отойди, посмотри со стороны.

Он продолжал укладывать дрова. Возьмёт полено, положит, не понравится, как оно здесь легло, – переложит в другое место, там оно плотнее ложится.

– Края поленницы держат клетки из тех же поленьев, видишь? Складывай как колодец: ряд поперёк да ряд вдоль, ряд поперёк да ряд вдоль. По краям ряда потолще поленья, в середине потоньше. А то вся клетка ходуном будет ходить и поленницу не удержит, понял?

Дрова вокруг кряжа убывали. Поленница росла. Плотная, ровная, красивая. Светло-жёлтые срезы поленьев, треугольные и полукруглые, составляли сплошной необычный рисунок между ровных клеток-столбов.

– А вот если под поленницей уж живёт, убивать его нельзя! Знаешь? Нет? Потому, что где уж живёт, туда гадюка не придёт! Вас этому в школе не учат? Вот! И в институте не научат! У нас в деревне свои университеты. А учитель – отец. А у моего отца учителем его отец был – мой дед. Так и переходили знания от отца к сыну. Так что в деревне не всё так просто. Тоже везде наука требуется, даже при работе с дровами! Ничего, поживёшь в деревне, всё знать будешь, больше городских.

В ПОСЕДКАХ

В нашей деревне была такая мода – ходить по вечерам в поседки на посиделки. После всех дел и ужина ходили к коке Натале – родной сестре моей бабушки Татьяны. Почему кока? Потому что была она кому-то крёстной, а крёстных у нас зовут «кока» – и женщин, и мужчин, и не только крестник или крестница, а и другие родственники так называют.

У коки Натали была корова. Я помню, что двух последних звали Ракета и Дочка. Приходили по молоко, а заодно и посидеть-поговорить, а может, наоборот, посидеть-поговорить, а заодно и по молоко.

Я говорил бабушке: «Пойдём к коке Натале». А другой раз она меня спросит: «Юраха, пойдёшь ли к коке-то Натале»? И мы шли в тот конец почти через всю деревню с трёхлитровой банкой под молоко в сумочке. В другой раз ехал на велосипеде, обгоняя бабушку по дороге.

Мне нравилось там бывать. Когда входил в дом, сразу чувствовался запах сена, молока и ещё чего-то деревенского. Пахло коровой – незабываемый, настоящий родной деревенский запах.

Посиденок – бабушек и тёток приходило человек шесть-семь. Иногда сидели во дворе на лавочке, но чаще в доме. Говорили обо всём. О погоде, о картошке и огороде, коровах и молоке, о деревенских и заводских пьяницах, о хворях и прочем.

Разговор оживал и искрился всеми цветами радуги, когда приходила Лидия Михайловна Сулоева, наша Деяга, – она всегда в курсе всех деревенских новостей.

– Что Деяга там ругается? – говорила кока Наталя.

– Не мало ли вас, не надо ли нас? – входила тётя Лида. – Здорово, дорогушки.

– Здорово, проходи, Лидея, не хошь ли чаю – горячей?

– Не-е, вода мельницы ломает! – улыбалась она. – Спасибо, мы этта пили, я самовар ставила.

– А что ругалась-то?

– Ой, девки, дуры, умаялася, нани мотнуло с приступки. Травы-то, травы-то, так и прёт, что в огороде, что в картошке.

– Верно, полешь, полешь, да и полоть полно, – подтверждала моя бабушка.

– Тасёк, и ты здесь? А что, сыро – вот она и прёт: и осот, и мокрец, и кудрявка кака-то, знаешь?

– Как не знать, кое-как вытаскашь.

– Посмотрела, у Петушихи любованная картошка, плети толстые, во какие, – показывала большой палец Деляга, – да чисто в межах-то.

– Она, милая, лошастью опахивала.

Сколько помню тётку Лиду, кажется, она всё такая, что в детстве моём лет двадцать пять назад, что теперь, всё в одной поре. Теперь уж ей восемьдесят пять. Одна из последних того поколения.

– Ни дождя, ни вёдра, не знаю, накошу ли нынче сена корове, погода никак не устоится, – говорила хозяйка.

– Накосим, – отвечала Мария Яковлевна Гнидина, у неё козушка.

– Юраха, я тебе загадку загадаю, отгадай-ко, – обращалась ко мне кока Наталя. – Вышла баба за плетень. Промеж ног взяла бубень. В обе руки – перепуки, начала в бубень играть. Что такое?

Я задумался. Бабушки улыбались, глядя на меня.

– Ну, думай пока. Вы сидите, – обратилась она к посиденкам, – я пошла управляться [доить корову].

– Ступай, Бог в помощь.

Я не всё время находился с баушками. То заходил в соседнюю комнату и рассматривал на стене старинные фотокарточки в большой голубой раме, а то садился на велосипед и гнал его вокруг всей деревни или аж до оврага и обратно. То выходил на двор посмотреть на бычка и как кока Наталя доит корову в хлеву. Она надевала чистый передник, омывала тёплой водой вымя корове, при этом ласково называла её: «Дочка, Дочка». Садилась на низкий табурет, устраивала под вымя дойник, и пошла работа – зазвенели первые струйки молока...

Меж тем баушки в кути вели разговор. Каждая вплетала своё слово.

- Не проверяла ли грибки-то, Лидея? – спрашивала Маня.
- Бегала даве в Глинищи – ни гриба, ни пуплыша.
- А змей не видала?
- Какой, милая, не видала – видала. Больша-ая да чё-орная, жёлтых бровей нет – гадюга. Во какая! – разводила она руки.

- Упаси Бог.

- Так и свитится на солнышке. Я боюсь, а убивать надо, куды деваться, расплодятся, дак дело ли? Я её батогом да по башке, по башке, так и убила, чудная.

- Отчаянная, ты, Лидея, мне дак вот и не убить.

- Давеча шёл филинской мужик, тоже с пустом, говорит, в сосенки ходил за овраг.

- Раненько ещё грибкам-то.

Старушки замолчали, задумались каждая о своём. А может, подыскивали следующую тему для разговора.

- Я третеньи ездила в город на базар, закупаться, – рассказывала после паузы Маня Гнидина. – На автостанции коло меня две женщины сидели, в годах уже, автобус ждали и раз-

говаривали. А мне слышно, об чём оне говорят. Одна другой: «Я свово мужика выгнала, пьёт, не работает, придёт пьянее вина. Где-то шабашничает пару раз в месяц и то половину пропьёт мрастина. Ругается, надоел хуже горькой редьки, пьяница поганый, бесстужая харя». А другая ей: «А я свово наоборот, назад приняла: мужичок не соломы пучок: и пошишит и подышит!» Ой, милые, я засмеялась, нани неудобно сделалось, можот, оне услышали, – Маня вытирала глаза кончиком белого платка, которым была повязана. Бабушки от души посмеялись.

С полным белой пены дойником вошла кока Наталя – управилась. Через марлю разливала молоко по банкам, выставленным на столе. Все притихли, наблюдая за действиями хозяйки.

– Ну, отгадал загадку? – спросила она меня. Я помотал головой: больно мудрёно да как-то по-старинному.

– А что это? – беспомощно спросил я.

– Это баба корову доит, – сжалилась надо мной кока и засмеялась. Вместе с ней засмеялись и все остальные баушки.

– Мои посулились соводни, да уж, видно, завтра явятся. Соскучали поди по молочку, – продолжала кока.

– Приедут, никуды оне не денутся, мамка кроме молочка-то ещё деньжат подкинет, – говорила моя бабушка.

Насиделись, наговорились, стали позёвывать да поёрзывать на стульях, покрытых вязаными кружками, да и время подходило идти восвояси. Медленно, с ойканьем вставали, разминая затёкшие спины и ноги. Брали молоко: кто парное, а кто утреннее из холодильника, расплачивались с хозяйкой и расходились по своим концам и заулкам.

После захода солнца, к ночи в деревне необыкновенно свежо пахло лесом и густым настоем луговых и болотных

трав и цветов – не надышаться. В низинках еле-еле намечался туман. Птицы уже умолкли, только где-то в луговой траве настойчиво трещал и трещал коростель, по-другому дергач.

Когда не стало кожи Натали, посиденки перебрались сидеть к Деляге – Лиде Сулоевой. А когда та до мая переезжала из своего старого худого дома на «зимнюю фатеру» с отоплением в посёлок паточного завода, сидели зиму-зимски у моей бабушки Татьяны.

В поседках вспоминали и молодость, иной раз даже песню затягивали. С каждым годом всё чаще заговаривали о хворах. Так за чаем и разговорами посиденки и коротали свои долгие-долгие вечера.

ЛОШАДЬ

Раньше на нашей ферме стояла конюшня. В конюшне было три коня: Буян, Бам и Цыган. Но конями их никто не звал, использовали слово «лошадь». Все три были гнедыми. Буян со светлой гривой, а остальные с чёрной. Чаще ездили на Буяне, он послушный, смирный. А Цыгана мы почти не видели, может, на нём ездили в другие деревни?

Когда на Буяне, запряжённом в телегу, приезжали в деревню – везли сено или что-то ещё, – это было большое радостное событие для нас, мальчишек. Услышим лошадь и бежим за ней, чтобы проехать на телеге, – нам в этом никогда не отказывали. А когда приезжали до места, куда надо было возчику, кормили Буяна по очереди сочной травой, которую тербили тут же у дороги. Он с удовольствием принимал наше подношение, а мы слушали, как на его зубах хрустит свежая трава. Мы знали, что лошадь не укусит, она берёт траву тёплыми, мягкими губами, обдавая наши руки своим дыхани-

ем. Старались погладить её морду: круглые выпуклые скулы, белое пятно на лбу. Все мы отражались в её большом влажном коричневом глазу с длинными ресницами. Она иногда качала своей большой головой, переступала с ноги на ногу, напрягала мышцы ног, чтобы согнать назойливых паутов, мы тоже отгоняли их прутиками. Пока лошадь находилась в деревне, мы были при ней, как привязанные.

Я поражался: такое большое, сильное животное, с огромной, как мне тогда казалось, головой и мощными ногами, а подчиняется человеку. Как бы лягнула она копытом – из человека и дух вон. Ан, нет, слушается человека, покорно ему служит.

Верхом мальчишеских мечтаний было, когда дядька возчик давал править лошадьё, конечно, когда телега была пуста или не сильно нагружена.

Вспоминаю, как тоже однажды управлял лошастью. Только не помню за малостью лет, кто был ездовым: то ли дядька Павёлко Филиппов, то ли дядька Женя Балалайка (это прозвище), а может, кто-то другой. Дядька пересел на край телеги и передал мне в руки вожжи. И тронулись. Вот здорово, я сам лошастью правлю! Встал на ноги – видел, как мужики это делают, крикнул «но-о!», несильно ударил лошадь по спине вожжами. По моей команде она с шага перешла на бег – слушается меня! Телега загремела колёсами, затряслась. Встречный летний ветерок подул в лицо. Стою с вожжами в руках, ноги немного согнул в коленях, держу равновесие. Проскакали-проехали мимо черёмухового куста, Буян легко вбежал в горку у фермы, с горки побежал ещё быстрее. Смотрю на лошадь: голова её под голубой дугой так и ходит ходуном вверх-вниз, грива и хвост развеваются, задние ноги мелькают между оглобелей. Мчусь. Восторг! Вот оно – истинное мальчишеское счастье! Что ещё надо?

Быстро приехали на место, в соседнюю деревню. С радостью поблагодарил дядьку. Собой остался очень доволен и горд! Вот только обратно пришлось идти пешком.

ТРИ ПИСЬМА ИЗ ДЕРЕВНИ

* * *

25 июня 1990 года.

Здравствуйте, мама и папа!

Решил вам написать, так как накопилось немного новостей.

У нас стало прохладно. Бабушка топила печку, испекла пресных колобушек. Вчера она ходила в лес на Грунино поле, принесла лисичек и некоторых других грибов, жарили картошку. А я сегодня ходил в сосенки, принёс больше по-

ловины корзинки маслят, несколько серых [подберёзовиков] и боровиков [подосиновиков]. Варили грибницу, и бабушка ещё отварила, будет солить. Пошёл в лес в пять утра, а пришёл в десятом, вперёд всего народа, люди по моим следам ходили, где я уже пролез. Видел в лесу белку. Рыжая, живот белый, глаза, как чёрные бусинки.

В магазине на заводе сегодня давали соду, я купил четыре пачки, скоро дедушка пойдёт, наверно, ещё возьмёт. У нас всё по талонам. За этот месяц получили по шестьсот граммов масла и сахару.

Чёрную смородину обирали – варили варенье.

Из цыплят вышло два петуха и шесть куриц, все живы, выросли, почти не пасём.

Жуков на картошке стало меньше.

Сегодня бельё стирали, ходили мыть на озеро. Подновили мостки, как туда идти.

Распилили и раскололи с дедушкой все старые заборы от бабки Сашиного огорода.

На этом всё. До свидания.

Юраха

* * *

21 июля 1990 года.

Здравствуйте, папа и мама!

Письмо ваше получили, и сразу пишу ответ. Сегодня праздник – Казанская [суббота], баню топили вчера. В Борщино в церковь на праздник из города приезжал архиерей с хором и дирижёром и со всеми служками. Кока Лида была там, говорит, что всё было хорошо, торжественно.

В магазине на заводе с хлебом стало плохо. Один раз без хлеба сидели. А другой раз вместо белого хлеба давали боль-

шие ватрушки с творогом и бублики, дак мы купили целую связку бубликов и почти за один день все съели.

Я вчера ходил по маслята, принёс полкорзинки и один серый. Народу много, пять человек встретил. И бабушка вчера ходила на Грунино поле, принесла лисичек и сыроежек да несколько белых. Варили грибницу, жарили картошку с грибами, и бабушка осолила восемьсотграммовую банку. И на днях она ходила, принесла на жарёху.

Погода стала холодная, три дня назад ходил купаться на озеро поздно вечером, наверно, последний раз.

Бабушка недавно вырыла одну плеть картошки, дак только три крупные, а остальные мелкие, как горох. Жуков стало меньше, но много у Боряки, к нам перелезают от него. Клубника почти кончилась. Красную смородину обирали, варили кисель.

Возили с дедушкой дрова из леса на велосипедах – сухие сосенки и берёзки. Плахи две-три кладём на руль, а сзади привязываем их и ведём велосипед в поводу. Навозил на тачке дров в баню полный предбанник.

Научился кататься на мопеде – дядя Петя давал. Катался вокруг деревни, понравилось.

На этом заканчиваю, все новости описал. До свидания. Юра.

* * *

7 августа 1990 года.

Здравствуйте, мама и папа!

Получили ваше письмо, и пишу ответ.

Вчера я вам отослал ящик картошки, на почте было много народу, так как погашались облигации всех лет. Дедушка получил больше двухсот рублей за них.

Мы посылку от тётки Вали с сахарным песком больше не

ждём, уж почти месяц прошёл. Наверно, прикарманила её приёмщица, она знала, что в посылке. [Позже посылка пришла]. Сахару у нас мало, занимали у коки Натали и у тётки Али. Масла растительного на квартал дают четыре бутылки, сливочного шестьсот граммов на двоих, и колбасы так же. Ещё на месяц полкилограмма лапши да крупы.

Пришёл с озера, вода не холодная, но и не тёплая уже, а купаться можно, привыкнешь, дак хорошо.

В сельнике спать нормально: прохладно, свежо. Бабушка отдала мне своё тёплое одеяло. Она вытаскала лук и чеснок. Луку набрали бардянку да чесноку полбадьи. Набрали малины пол-литровую банку. Сегодня съел последнюю ягоду клубники. Навыбивал стопку маку из маковых головок, бабушка сшила маленький тюричок, говорит: «Домой возмёшь на плюшки». На щи рубили капусту свою, раннего сорту. Огурцов наубирали трёхлитровую банку, съели малосольными, ещё Петушиха приносила полведра. Было прохладно, дак огурцы плохо росли, а сейчас жарко и сухо, в огороде всё поливали, и яблони дедушка полил. Мам, дедушка просит, чтобы ты привезла ему зубного порошка.

Как-то был дождь и гроза небольшая, дак выключали ток часа на два, так и не досмотрели кино «Собака Баскервелей».

Сегодня ходили с бабушкой в лес на Грунино поле, а затем за обвал. На Грунином поле много народу [суббота]. На обвале трава с человеческий рост и крапивь, все перемочились, еле дошли. За обвалом ёлки, по ним и лазили. Набрали чуть не по полной корзинке лисичек и сыроежек, белых мало попало. Я ещё нашёл два боровика [подосиновика]. На Грунином поле я теперь не заблужусь. С дедушкой недавно ходили по грибы на Зимняк. Бабушка осолила две трёхлитровые банки, все сыроежки да лисички, насушили немножко. Ры-

жики уже пошли, но все червивые, надо бы дождя грибам.

На улице жарко, солнце печёт, если завтра будет такая погода, то пойду купаться, а сегодня я после бани.

Мам, ты пишешь, что мне с погодой не повезло. А я так не думаю, хоть и в фуфайке ходил один день. Этим летом я доволен.

Ну, вот вроде всё и описал. До свидания.

Юраха

ЗИМОЙ В ДЕРЕВНЕ

Зимой в деревне тоже хорошо, своя прелесть, особенная. С радостью приезжаю в деревню этой порой.

Вот я и дома. Солнечная погода манит на улицу. Одеваюсь, схожу с крыльца, останавливаюсь. Морозно, пар изо рта. Солнце ослепляет. Снег искрится, переливаясь каждой своей снежинкой. Постепенно глаза привыкают. В огромном голубом небе ни облачка.

Слушаю, не понимаю – ничего не слышу, глухота, как будто пробки в ушах, удивляюсь: «Я что, оглох?!» Делаю шаг – снег скрипит под валенком, слава богу, всё нормально со слухом. Это тишина! Ни собака не залает, ни птица не прокричит, ни веточка на деревьях не треснет, так тихо, как будто вымерло всё вокруг, чувствую, как пульсирует кровь в висках. Вот она – Тишина. Вселенская. Абсолютная. Первозданная! ТИ-ШИ-НА! В городе невозможно услышать такой тишины.

Всё укутано белым, каждая изба покрыта хорошим слоем снега, словно пушистым одеялом. Кажется, что избы съёжились от такого холода и пытаются согреться. Снегу много, сугробы доходят до окон. Почти над каждой избой вертикально поднимается светлый дымок, хорошо выделяясь на фоне

ярко-голубого неба, – жива деревня, дышит. Ни ветерка, ни звука. Морозный воздух прозрачен и чист. Спокойствие и благодать, красота вокруг необыкновенная.

Иду до прогона, снег хрустит под ногами, никто из деревенских не встречается: все по домам сидят, печки топят. Кушается мороз, пробирается под фуфайку, долго не погуляешь. Озяб. Поворачиваю домой. На крыльце обметаю валенки от снега голиком – веником, годным теперь уже только на это.

Переступая порог, захожу в избу, и вот оно – тепло родного дома! Так и обняло меня! Когда и где ещё можно почувствовать это?! В доме натоплено, пахнет пирогами – это бабушка всегда по воскресеньям печёт пироги и плюшки. Раздеваюсь. Прохожу через куть мимо русской печи в переднюю. Бабушка дремлет на своей кровати, устала: тесто поднялось утром рано, она затворила его ещё с вечера. В ногах у неё кот, свился калачиком, уткнулся носом в свой пушистый хвост и спит.

Сбоку к бабушкиной кровати, у перегородки, выкрашенной в синий цвет, приставлены два стула, забираюсь на них с ногами и облакачиваюсь поудобнее на кровать рядом с котом. Согреваюсь быстро в своём родном тёплом доме.

Тихо. Слышно только, как часы-ходики тикают размеренно, убаюкивающе. В избе светло – через замысловатые морозные узоры на стёклах проникает рассеянный солнечный свет. Кот проснулся, потягивается. Ах, соня, он только поменял позу, вытянул лапы, повернулся на спину и снова задремал.

Хорошо, просто хорошо и всё, и ничего не надо. Так бы просидел, кажется, долго-долго, не зная времени. Только зимой можно почувствовать в нашем деревенском доме полное умиротворение и покой, когда вообще ни о чём не хочется думать, особенно о городе, откуда недавно приехал. Такое чувство, что я приехал домой. Сознание чистое и ясное. Становишься самым собой. Настоящим.

НА ПТИЧЬЕЙ КОРМУШКЕ

Трудно выживать птицам в лесу в холодную зимнюю пору. Корма становится очень мало. Поэтому люди делают птичьи кормушки и подкармливают своих пернатых друзей. Вот и я, надев ушанку, фуфайку и валенки, решил пойти в лес, порадовать птичек.

Зимний лес тих и величествен. На еловых ветках белые шапки снега. Долгая тропинка привела меня к месту. Птичек не видно, но я знаю, что они где-то здесь. Смёл снег с кормушки. Шуршу кульком, раскрывая его. Пока насыпаю семечки, чувствую, как на меня смотрят десятки птичьих глаз. Лес потихоньку оживает. Слышу попискивание вверх. Птички в предвкушении лакомства – проголодались за ночь. Чувствую, подлетели поближе, но пока не показываются, ждут, когда я уйду.

Кормушка сделана просто. На спиленной примерно на уровне пояса нетолстой сосне прибита квадратная фанерка с бортиками. А рядом из толстых веток устроен небольшой столик с фанерной столешницей. На этот столик я, смахнув снег, накрошил белого хлеба и спрятался за соседнюю сосну.

Тут же на кормушку слетел смелый белогрудый поползень, взял семечко. За ним другой. Третий уже поджидает на стволе сосны своей очереди, вытянув голову в сторону угощения. Верх головы и спины поползня серо-голубой, а от клюва через глаз проходит чёрная полоса, придающая птице суровый вид. Поползнем его называют за то, что он ловко лазают по стволу дерева вверх и вниз головой благодаря своим большим цепким коготкам на лапках, словно ползает по дереву.

Прилетела большая синица, схватила, желтобокая, семечко и ходу, пока поползень не согнал. Теперь – черноголовая гаичка, тоже синичка, чуть меньше большой синицы, на голове чёрная шапочка, а сама серая с бурым. За гаичкой влетели без очереди два поползня, эти птицы крупнее всех синиц и чувствуют себя здесь главными. Кричат и дерутся на кормушке, словно им не достанется, скинули в бойкой заварушке несколько семечек на снег. На снегу подобрала одно семечко

лазорева – нарядная синичка. Она меньше черноголовой гаички, желтобокая, как и большая синица, но на голове у неё шапочка небесно-голубого лазоревого цвета, поэтому она так и называется, а через глаз по белому проходит тонкая чёрная полоска.

Радостное щебетание и писк услышали другие птицы и тоже прилетели столоваться. Закрутилась весёлая карусель. Птахи слетают на кормушку друг за другом, а то и по две сразу, роняя семечки вниз.

Вот рядом на сучок села хохлатая синица, её ещё называют гренадеркой за красивый чёрно-серый хохолок на голове, похожий на головной убор солдата-гренадера. Размером она с лазоревку, а может и меньше, цвет пёрышек от светло-серого до коричневого. Сделала попытку слететь на кормушку, но, не долетев, развернулась и вернулась обратно – её опередил резвый поползень. Вторая попытка оказалась успешной.

Синицы и поползни едят семечки по-разному. Синицы, сидя на ветке, зажимают плод лапками и клюют его по маленькому кусочку. А поползни помещают семечко в подходящую трещинку в сосновой коре и там её расклёвывают своим сильным клювом, крепко зацепившись за ствол.

Из глубины леса на столик прилетел красавец дятел, чёрно-белый, в красной шапочке. Посмотрел по сторонам, нет ли опасности, схватил в длинный клюв несколько кусочков хлеба и был таков.

Бесконечно можно смотреть на птичью круговерть. Но долго на снегу не прстоишь – становится зябко.

С чувством выполненного долга я отправился в обратный путь, в деревню, пить чай с вареньем и греться у русской печки.

*«Когда я приезжаю в деревню, то буквально омываюсь в живых
родниках речи. Слушая родную «говору», я чувствую
себя счастливым. Через слово возвращается ко мне моё
детство, открывается та среда, откуда вышел я и все мои герои».*

Фёдор Абрамов

ПОМАЛЕНЬКУ

Ой, Царица Небесная Матушка, где-ко, на родину побывать приехал, милые духи! Здорово, дорогушка, здорово! Как ты лез по экому-ту снегу? Передувает дорогу-ту. Не шибко замёрз? Ну, раздевайся да грейся, печка натоплена. Отдай мои валяные субоги в сторонку, вот так. Надо бы в рукавицах, а ты в вязанках в мороз-от такой, суй их в печурку – нагреются хоть. А куртку-ту вон на гвоздок вешай, рядом с моей фуфайкой. Проходи, родное сердце.

Как поживаю? Да помаленьку, помаленьку поживаю. Вот колёнки только болят, чудной, растираю на ночь калэндой. Проходи, проходи. И бороду отростил?! А-а, в отпуске. «Борода-бородка, до чево ты отросла, раньше были щётки, а теперь метла!»

Как папа с мамой? Ну, и слава богу. Да, половики всё те же, куды оне денутся. У меня картошка сварёна, будешь ли исть? А хошь студню мово попробовать, я припасу? А угурца солёного, давеча в подполье лазала? Не хошь? Ну, больше нечем тебя попотчевать. А можот, банку варенья роскубрить? Нет? Тогда почайпьем, бери чашку во шкапе, ты знаешь где.

Садись за стол, чай согрелся, хорошо с морозу. Мы, костромские водохлёбы, любим чаёк-от, да горячий, чтоб во рту булькал! Да по одной чашке не пьём. Да-а... Это что? Это я хлеб распариваю над паром в дуршлагае, отволгнет, мягкой сделается, хорошей, запашистой – любота, что ешь, то хотса. Пять дён уж ёму. По экой погоде не находишься за три кило-

метра в сельмаг. Раз в неделю сползаю с санкам – и то дело. Дорога плоха, чистят только до фермы, до нас редко когда трактор пройдёт. Лезешь, лезешь по снегу-ту, да и лезти полно.

Осторожно, не ошпарься, конфеты бери.

Да, два раза печку топлю, дом-от худой, выдувает, ему уж сто годов, он раньше о двух этажах был, потом переделали. Падает изба моя, вишь, как тот угол клонится, от двери не идёшь, а бежишь, того и гляди печка упадёт. Ну, на мой век, может, и хватит – криво, да век жило. Погоди, вьюшку закрою, прогорело уж.

Пензии-то? Пензии хватает, много ли мне надо одной-ту.

Утром за дровам ездила в Глинищи, привезла двои санки по несколько берёзовых плах. Хорошо, след есть! Витя наш

ездил, дорогу проторил, подсобил мне маленько.

Навещает дочка, навещает, и внуки бывают, да редко, вот посулились на тех выходных.

Кошка опять спит, наверно, к морозу. Полная черепенья полхлёбки у ей, поди окисла уж, надо бы в бадью выливать. И что не жрёт, леший её знает.

Пей ещё, дорогушка. На здоровьечко.

Гляди, гляди, кто прошёл? Да уж в то окошко-то гляди. А-а, Верка, она всё как снафида по деревне ходит туды-сюды, а за дровами линь съездить. Мало кто пройдёт нашей улицей, а то и ни щёгла за день не пройдёт. Сижу цельный день дома, кукую. Когда выйду снег откинуть с тропы да печку прокурю, вот и все мое дела. Темнеет быстро, вечера долгие, не знаешь, как и до сна дотянуть, ложусь рано. Вечера долгие, а жизнь короткая, не заметила, как и старость подошла. Молодые были – не думали, всё нипочём.

В церкви? В церкви давно не бывала, где-ко, что на воле деется – метёт да дует, а сходишь в церкву-ту, попоёшь там со старухами и оживёшь, чудной, Бог здоровья даёт. Так и живу помаленьку. Восемьдесят второй уж пошёл.

Напился ли, батюшко, или третью чашечку выпьешь? Нет? Ну, на здоровье, на здоровье. Обёртки-те вон на шосток брось, буду печь топить – прижгу. Ну, вот: Бог напитал, никто не видал.

Пошёл, уж? Что как рано? Сиди! Ну, проведал, дак и то хорошо, не забываешь баушку. Хошь поговорили маленечко. Вязанки-те не забудь. И сам не хворай. Поди, милый, с богом.

КРАСНАЯ ЧАЙКА

Темно, тихо, влажно и прохладно весенней ночью. Река разлилась до горизонта. Кое-где чёрные причудливые силуэты деревьев отражаются в воде, деревья вскинули свои ветви-руки к высокому небу. Далёкий берег словно написан тяжёлыми тёмно-фиолетовыми красками и размыт мокрой кистью.

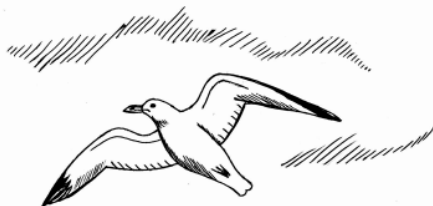
На востоке еле угадывается место, где должен родиться Свет. Ночь сбавляет течение своего хода. Кажется, в эти минуты ход ночи совсем остановился, а ход утра ещё не пошёл. Уставшая ночь нехотя передаёт свои права утру, но оно не спешит их принимать, ему хочется ещё полениться, понежиться в сладкой дреме. Утро впереди. И ночи уже нет. Есть будто бы затаившееся безвременье. Душа природы замерла в ожидании чего-то нового. Только лёгкий, свежий ветерок создаёт небольшую рябь на тёмной поверхности широкой поймы...

Время встрепенулось, опомнилось и на востоке по всем вселенским законам начало медленно выкатывать малиново-красный шар. Мир стал приобретать тёплые тона. Облака из холодных тёмно-синих превратились в сиреневые. Чёрные деревья с верхушек ветвей медленно начинают краснеть. Светлеют акварельные краски. Порозовела речная вода. В тёмно-оранжевом свете стали проявляться на горизонте лес и селения. Белая колокольня церкви порозовела.

Набирающий силу красный шар обрадовал и окрасил, как чудо-художник, спящую природу. Только-только расстался он с кромкой земли.

Вдруг над водой неизвестно откуда появилась красная чайка. Она махала крыльями с чёрными кончиками так бодро, словно и не спала, вертела головой по сторонам, что-то высматривая. Она летела навстречу свежему ветру. Она летела навстречу рассвету.

Громкий пронзительный крик чайки неожиданно разнёсся над миром. Даже крик её казался красным. Он возвестил природе о начале нового светлого дня.

БАНЯ

Стою за двором и смотрю на старую нашу баньку. Вросла, бедная, в землю, накренилась в одну сторону. Окошко стало на уровне моих коленей. Серые брёвна потрескались, крыша прогнулась. Под конёк залетела трясогузка, наверное свила там гнездо. Нагибаюсь в три погибели, чтобы не удариться головой, вхожу в предбанник. Потолка в предбаннике нет, и видно, что крыша изначально покрыта щепой. С верхней слег свисает небольшой, похожий на бумажный, серый шарик – это осы сделали себе дом. О стекло окошка над входной дверью бьётся бабочка, стремясь к свету. Аккуратно ловлю её в ладони и выпускаю на улицу. У левой стены – лавочка, прямо – поленница, справа – такая же низкая дверь в саму баню. Открываю её, переступаю через высокий порог. И вот он – запах детства! Как приятно пахнет старым деревом! В полный рост не встать – потолок низок, нагибаю голову. На старых досках пола застыл солнечный прямоугольник от окна. Видно, как в луче света медленно летают, блестя, маленькие пылинки. Печка, обмазанная глиной, потрескалась, стены закоптились. Тесновато.

А в детстве баня мне казалась большой и просторной. Я мог стоя вылить на себя таз воды, не задев потолка, во весь рост растянуться на полке.

Когда-то наша банька мыла пять семей! Это было в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошедшего века. Её топили две родные сестры – мои прабабушки: Евфалия и Надежда. У них на двоих было пять дочерей, у каждой дочери семья.

Банный день – суббота. Дрова приносили по очереди на один или два раза. Забота о воде была на женских плечах. Мужчины – кто работал, а кто, проще говоря, пил, по этой же причине и мылся на следующий день остывшей водой. С колодца-журавля женщина ухитрялась нести три ведра за раз! Одно ведро в руке да два на коромысле, на плече. Мало

ли надо воды на пять семей! Да и колодец далековато, на соседней улице.

Бабушки затапливали баню утром. Перед тем как наложить дрова и разжечь печь, в задний край топки закладывали два камня, чтобы они раскалились. Пять раз нагревали воду в котле! Четыре котла отливали в две деревянные бочки. Пока вода грелась, сёстры разговаривали, сидя на лавочке в предбаннике, о делах в колхозе, об огороде, о внуках и мужьях. У Евфалии Александр пришёл с Первой мировой войны раненный в спину. Работал на перекате бакенщиком. Каждый вечер в любую погоду: ветер ли волны гонит, дождь ли – он выходил на лодке с вёслами зажигать бакены на Волге для ночного судоходства, а утром гасил их. А муж Надежды Михаил участвовал в двух войнах – Первой мировой и Великой Отечественной. О боях не рассказывал, говорил только, что страшно было. Работал в колхозе.

Когда нагревался пятый котёл и дрова прогорали, одна бабушка брала большой металлический совок, а другая выгребала на него кочергой из печки раскалённый докрасна камень. Опускали его в бочку с горячей водой, камень трещал, вода шипела вокрут, образуя большое облако горячего пара. С глухим ударом камень опускался на дно. Второй раскалённый камень осторожно опускали в другую бочку. Так вода не остывала на протяжении всего оставшегося дня. Третья бочка была с водой «на расхолодку». Остальная же вода находилась в предбаннике.

Банная церемония занимала весь день. Полдня баню топили, а с обеда до позднего вечера мылись. В первый жар шёл париться хозяин дядя Миша, а потом и все остальные по очереди. Брали с собой специальную чистую корзину – банную, в ней лежали бельё и мочалка. А в бане была ещё и маленькая

круглая корзинка для мыла, называлась она мыльница. Горячую воду расходовали экономно, чтобы хватило последним, холодную-то ещё можно было принести с колодца.

Так и мылись дружно в одной маленькой баньке все пять семей, пока не разжились и не построили каждая свою. А старенькая служит уже более полувека. Сколько она людей перемыла, сколько здоровья дала за столько лет! Теперь в нашу баньку ходят только бабушка Лида да дочь её, моя тётка Тамара. И я, когда приезжаю к ним в отпуск.

УГЛИ ДЛЯ САМОВАРА

Каждое утро в деревне мы пили чай из самовара. Бабушка говорила: «Поставлю самовар – быстро вскипит». Она его растапливала, а я сонными глазами наблюдал, как она это делает.

Вынесет самовар и тушилку с углём из избы на мост. На мосту зябко спросонья. Вытрясет на дворе из самовара остаток прежней золы. Поставит его на пол. Закроет трубу крышечкой, чтобы туда случайно не плеснулась вода, и наполняет его из ведра. Потом закрывает крышкой налитую воду, чтобы в неё не попал уголь, и открывает крышечку самоварной трубы. Налаживает на неё конфорку – подставку для заварочного чайника – и насыпает в нутро уголь из тушилки. Конфорка при этом выполняет роль воронки. Углей кладёт почти доверху. От угля бабушкины руки становятся чёрными. Затем снимает конфорку, берёт несколько припасённых ранее тонких лучин, поджигает их спичками и опускает горящими поверх углей. При виде живого огня мне становится теплее. Лучины разгораются, и бабушка наставляет на самоварную трубу в виде буквы «Г» трубу дымовую, оставляя горящие лучины внутри. Сразу создаётся тяга. Треск лучин раздаётся гулким

эхом в дымовой трубе. Оттуда вылетают оранжевые искры и гаснут на лету на фоне тёмного потолка. А если положить лучин побольше, то из трубы с гулом может даже вырваться пламя. Я уже несколько раз наблюдал такую картину.

Лучины быстро сгорают, разжигая угли. Те становятся красными, образуется жар. Дыма уже нет, и из трубы выходит горячий воздух. Самовар растоплен. Бабушка, закончив дело, уходит в избу. Огненный процесс, представляющий интерес для мальчишки, окончен. После умывания опять возвращаюсь к самовару. Сажу на корточках и шупаю его бока, чтобы погреть руки после холодного умывания. Сверху он уже тёплый, а снизу холодный, жар до низа ещё не дошёл. Смотрю на своё отражение на пузатой зеркальной поверхности самовара и корчу рожицы.

Через некоторое время в резных окошках поддувала, что внизу, появился оранжевый свет, значит, жар прошёл до низа, до колосника, и все угли самоварного нутра растопились. Вода скоро закипит. Жду с нетерпением.

Прошло некоторое время. И вот самовар зашипел, зашумел, как живое существо. Бока его стали горячими – не дотронешься. А вскоре внутри забурлило, заклокотало, закипело. Из душничка в крышке высоким клином повалил пар. Я скорей бегу в избу сообщить бабушке, что самовар готов.

Бабушка надевает рукавицы, снимает дымовую трубу и вешает её за ручку на вбитый в балку потолка гвоздь. Прикрывает трубу самовара крышечкой, чтобы притушить жар. Я беру конфорку, открываю бабушке дверь в избу, и она осторожно несёт парящее чудо на стол. Заранее припасён заварочный чайник с насыпанным в него чаем. Бабушка заливает его кипятком и ставит на конфорку, приложенную на верх самовара. При этом жар подогревает дно заварочного чайника, и он долго остаётся горячим.

«Самовар, самовар, золотые чашки. Ко мне миленький пришёл в розовой рубашке», – поёт бабушка и говорит: «сейчас почайпём, до-о-олго будет говеться, до обеда». Я сам люблю наливать себе кипяток. Открываю кран самовара поворотом фигурного флажка, и парящая струя с напором и журчанием устремляется в чашку. Когда чашка наполнится, поворачиваю флажок обратно – струя прекращается. Какой-никакой, а механизм, интересно им управлять самостоятельно. Весь наш стол вместе с нами отражается на зеркальной поверхности самовара. Он ещё долго шумит, на протяжении всего нашего завтрака, но уже тихонечко.

Много раз я наблюдал, как бабушка выгребает из горячей печки угли для самовара. Когда огонь в печке угаснет, она на-

девает рукава от старого дедушкиного пиджака, специально для этой цели приготовленные, затем рукавицы, чтобы не обжечься. Открывает дверцу печки, опускается на больные коленки и короткой кочергой выгребает оттуда горячие угли на металлический совок. Затем сыпает угли в принесённую из-под полатей тушилку – металлический сосуд на трёх ножках цилиндрической формы, объёмом с ведро-полтора, с ручками на боках и плотно закрывающейся крышкой. Из открытой печки идёт жар. Угли так и переливаются красным мерцанием, потрескивают, словно перегариваются друг с другом.

Я никак не мог понять, почему же не подождать, когда печка остынет, и холодные угли не переложить в тушилку спокойно, безо всякого опасения обжечься или уронить горячий уголь на пол?

Однажды моё терпение кончилось, и я спросил об этом бабушку. Она с улыбкой мне ответила: «Милок, дак если угли вовремя не вытащить, они истлеют и от них останется одна зола!»

ГРОЗА

Из-за леса с западной стороны надвигалась синяя косматая туча. То место, откуда она появилась, зовётся у нас гнилым углом. Если принесёт тучу с другой стороны, то дождя может и не быть. Но уж если непогода пришла с запада, лить будет наверняка.

– Дочка, где-ко, как синитса оттудова, – сказала бабушка Лида моей тётке, глядя в окно.

– Дождь будет, – ответила та.

– Только бы грозы не было, не дай бог.

ей Матери «Неопалимая Купина», она защищает дом от грозы и пожара.

– Всё равно боязно, чудной. Вон как освечает.

Я всё сидел на лавке у окна и продолжал наблюдать за наползающей тучей. Мне нравился гром, когда ударит во всё небо и пойдут эхом грохотать раскаты, словно кто-то огромной кувалдой то тут, то там стучит по жестяному небесному своду. Во время грозы ощущаешь себя букашкой перед величием стихии.

Треснула молния! Казалось, прямо над нами. Осветило пейзаж в окне и обстановку в доме ослепительно белым светом, какого не бывает в солнечный день, и тут же ударил гром. От неожиданности я втянул голову в плечи. Пересел от окна на диван – бережёного бог бережёт. В избе играли

тёткин внук Тёма со своим другом Даниилом. Дети вместе с бабушкой Лидой кинулись за печь, там бабушка обняла их. Тёма заплакал, он на год моложе своего друга. Тётка Тамара отошла в дальний край кухни к выходу, приложила ладонь к губам. Лицо её выражало чувства тревоги и переживания за испугавшихся детей и мать.

Дождь расходился. Над лесом появился серый клубящийся вал. Лес закачался, зашумел. Молодые берёзки пригибались к земле. Они стали похожи на белые дуги с трепещущей, готовой сорваться листвой. Порыв ветра вскоре достиг деревни и сильно ударил в стёкла наших стареньких рам, разметал сирень под окном. Пошёл такой ливень, что ничего нельзя было разобрать на улице. По стёклам стекали потоки воды, словно кто-то плескал на окна из ведра. Ветер старался вдавить стёкла в избу. Они гремели от порывов ветра. Я удивлялся: как они выдерживали такой шквал? Крыша шумела под ливнем. Жалящие землю молнии освещали нутро дома. Удары грома сотрясали старую избу. Казалось, что изба напрягла и собрала все свои последние силы и следующей такой грозы уже не выдержит.

– Какой лёнул! – произнесла бабушка в укор ливню. Мальчики уткнулись носами в бабушкин подол и ныли. Они больше не выглядывали из-за печи. Бабушка крестилась и читала молитвы, вспоминая святых угодников. Я перестал наслаждаться стихией, которая стала всерьёз угрожать.

Ветер не унимался. Его порывы вместе с потоками воды настойчиво штурмовали нашу избу, проверяя её на прочность. С рябины, что под окнами, с треском оторвало большой сук и повалило на палисадник.

– Что только и не делается! – прервала молитвенный шёпот бабушка.

– Господи помилуй, да скоро ли это кончится? – взмолилась тётка Тамара.

Вдруг наверху сильно затрещало, зашуршало, поехало. В боковом окне мелькнуло что-то тёмное.

– Не крышу ли у нас удуло? – чуть не плача, обратилась бабушка Лида к нам.

– Унесло твою крышу на бор, - пыталась пошутить тётка, – ветер-то какой!

– Дети ещё пуще заныли. В двух местах с потолка капало – на половиках появились мокрые расходящиеся пятна. Тётка достала из-за занавески под полатами таз и большую кастрюлю и подставила их под течь. Зазвенели капли в порожних посудилах, а потом и вовсе полилось тонкими струйками. Потекло и по печи от трубы до самого пола.

Гром гремел всё реже, гроза удалялась. Ливень перешёл в дождь. Дети успокоились и вместе с бабушкой вышли из-за печи, сели на диван. Немало времени под шум дождя мы молча наблюдали за струйками, которые с тонким журчанием то сплошь, то переходя в капель, медленно наполняли посуду.

– Пойдёмте скорее смотреть, что у нас начудило, – сказала бабушка Лида, когда дождь кончился и небо просветлело. В окно были видны огромные лужи на дороге. Картофельные межи перед домом полны белой воды, потому что в них отражалось прояснившееся небо. Мы обулись, кто в резиновые сапоги, кто в галоши, и вышли из дома. Воздух стал свеж и влажен, прозрачен, как это бывает после грозы.

У дома в разных местах валялись рваные куски рубероида, сломанные рейки, которыми он был прибит, дощечки щепы, чем покрыта крыша под рубероидом. На самой крыше кровли не было до половины. Её сорвало и неровно закатало

до самой трубы. И на трубу нахлестнуло, дальше не пошло – труба спасла остальную часть крыши от разорения.

Пока бабушка не успела ещё сильно расстроиться, я сказал ей: «Тётя Лида, не переживай, приедут на выходные твои внуки – покроем крышу. Вот и дело для меня нашлось, а то я у тебя все дела приделал». «Ну-ну, ладно», – успокоилась бабушка.

Ближе к вечеру она принесла весть о том, что у Шустиных в сегодняшнюю грозу от молнии сгорела баня.

– Вот видишь, тётя Лида, не зря у нас «Неопалимая Купина» есть! Молнии могли попасть куда угодно, хоть и в наш дом, вон как они вокруг плясали! А Богородица нас защитила.

– Слава богу! – ответила бабушка.

КОСТРОМСКИЕ ИЗЛИШКИ

Рассказы уваровских жителей

ПЛОТНИК ИЗ-ЗА ВОЛГИ

Это было ещё до Великой Отечественной войны. Один мужик собрался строить дом. Уваровские плотники не стали с ним связываться, зная, что он не больно любит платить. Тогда он попросил плотника из-за Волги. Тот приехал, обговорили, что да как, сговорились о цене. Договор скрепили, выпив по стопке водки, – раньше бумаг не составляли и печатей не ставили. Уговор, как говорится, дороже денег.

Пошло строительство. Через некоторое время дом готов, хороший, ладный. Только заказчику он чем-то не понравился, о чём он и сообщил плотнику. Стал изъёны выискивать, выказывать недовольство чем-то, сбивать цену. Мастер говорит: «Дом хорош, крепок, построен так, как ты и просил, но если тебе не по нраву, могу переделать». Мужик отказался от переделки и заплатил плотнику меньше, чем обещал.

На этом история не заканчивается. С тех пор, как семья переехала в новый дом, у мужика стало реветь дитя по ночам – с полуночи и до утра не унимается. Каждую ночь ревёт без передыху, спасу никакого нет. Надоело мужику, измаялись все с дитём, рассказал мужик об этом добрым людям. Они ему и говорят: «Здесь что-то не так, поезжай за Волгу, ищи плотника».

Мужик поехал, нашёл плотника, бросился ему в ноги и умоляет: «Заплачу тебе больше, чем должен, только скажи, что ты сделал». Плотник ухмыльнулся и говорит ему: «У тебя в доме на одной стене прибито небольшое берёзовое полено, отбей его, и мука твоя прекратится». – «А что мне с ним делать?» – «Сожги в печи или в бане, когда топить будешь».

Приехал мужик домой, нашёл полено и удивился тому, что прибито оно на видном месте, а он его не замечал! Отбил

его и сжѣг в печке. С той ночи плач ребёнка прекратился, семья стала спать спокойно. А мужик, говорят, стал умнее да щедрее.

ЛЕШИЙ

Раньше в нашем лесу водился леший. Всѣ по деревьям стучал. Стук такой, будто кто-то дерево рубит. Идут наши рыбаки поздно вечером на Волгу сети ставить – он стучит. Идут рано утром проверять рыбу – опять стук раздаѣтся. Хотя никто из деревни дров не заготавливал в те дни, да и кто будет дрова рубить, когда в лесу хоть глаз коли.

Старые люди не боялись лешего и знали, как с ним обходиться. Он не больно вредный, только потешается над человеком. Покружит грибника по лесу да и отступится. Как увидишь, что блудишься – ходишь кругами по одному месту, надо его, лешака, ругать, ему неприятно станет, он и выведет опять на дорогу.

Моя бабушка его видела, когда грибы брала. Сначала она думала, что обычный мужик. Он тоже грибы брал, потом всё ближе и ближе к ней подходит. Здоровый такой! Не зря в народе говорят про большого сильного мужика: «будто леший». На голове старинная мужицкая шапка, сам в долгом зипуне, подпоясанном то ли верѣвкой, то ли таловым прутком. Корзина у него с необрезанными прутьями, так и торчат прутья вверх да в стороны. А грибы в корзине большие, как лапти, старые, все во мху и в земле. Так мимо неё и прошѣл, а она сделала вид, будто бы его и не замечает.

А ещё останавливался у моей бабушки один охотник. Был он больно солощій до утиной охоты. У него было своё место в лесу на Зимнячном озере. Охотился он не с ружьѣм, а с

силками. У него в корзине (рюкзаков раньше не было) много разных снастей для ловли птицы, манки на уток. Приспичило ему в пасхальную ночь на охоту идти. Собрался, пошёл. А притащился под утро с пустом да уставший как собака. Говорит, что никак не мог отыскать своего места, хотя лес знал хорошо. Всё блудился, лешак его водил да кружил. «Больше, – говорит, – никогда в пасхальную ночь на охоту не пойду, не для охоты эта ночь предназначена, а я, дурак, в лес попёрся, леший знает за чем».

Прошло некоторое время, и тихо стало в лесу, не слышать лешего. Наверно, шумно у нас стало, вот и ушёл в другие места над людьми потешаться.

СТРАННАЯ КАРТИНА

– В колхозном списке на экскурсию или в санаторий я была первой, потому что была активисткой, работала хорошо. Однажды нас отправили в санаторий, что в городе Солигаличе. Я была любознательной, всем интересовалась. Гуляя по городу, зашла в местный музей, но там был ремонт. Попросила музейного работника, чтобы он показал мне хоть одну картину. Он сказал, что музей закрыт. Мне так хотелось увидеть какую-нибудь картину, хотя бы одну, что я его уговорила. «Хорошо, – сказал он, – одну картину я вам покажу, её ещё не сняли». И повёл на второй этаж. Картина висела напротив лестницы, на ней было изображено, как дочь кормит грудью своего отца.

– Что? – переспросил я.

– Да, ты не ослышался, именно так.

– Странная картина.

– Да, странная на первый взгляд. Музейный работник рас-

сказал мне её историю. Дело было так. Одного человека за преступление посадили в тюрьму и сказали ему, что убивать его не будут и бить не будут, но оставят без еды на определённый срок, выживет – так выживет, а нет – так нет.

У узника была дочь. Ей разрешалось через день навещать отца. Перед свиданием её обыскивали, чтобы она не пронесла отцу какой-нибудь еды. А дочь недавно родила ребёнка. Вот и решила она на свидании кормить отца своим молоком. Этого хватало отцу, чтобы не умереть. Срок его пребывания в тюрьме истёк. На удивление тюремщиков он выжил и был отпущен на волю. Так дочь спасла своего отца от верной гибели.

– Эта картина, – продолжал музейщик, – называется «Отцелюбие римлянки», или её ещё называют по именам действующих лиц «Цимон и Перо». Её написал Рубенс в восемнадцатом столетии по сочинению древнеримского писателя Валерия Максима «О почтении к родителям». Картина олицетворяет дочернюю любовь к своему отцу. Вот такая история.

КОЛДОВАЛИ, БЫВАЛО

В нашей деревне своих колдуний не было, только пришлые. Парень брал в жёны девуку из других мест и привозил к нам, а она оказывалась колдуньей. Так они к нам и попадали. Страшновато было. Не то чтобы совсем страшно, а неприятно. Не дай бог в немилость к ним попасть. Сколько народу они перепортили, в особенности девок или молодых баб! Понравится колдунье парень, а он с другой гуляет. Она и нашлаёт на неё порчу. Та почахнет-почахнет да и помрёт. Такой случай рассказывала мне баушка Саня Левая, помнишь её? Дак вот. Мужика звали Никанор Иванович. Первую жену ему испортили, умерла. Вторую-то бабу он берёт.

Однако нравился он одной девке-колдунье. На престольный праздник она пригласила их к своим друзьям. Раньше-то знаешь как? Сначала в одном доме гуляют, на следующий день – в другом у родственников или друзей. Ну, вот. Застолье. Она подаёт им водку, колдунья-то. Никанор Иванович взял стопку, перед тем как выпить, перекрестился и сказал: «Господи, благослови». Стопка-то и треснула в его руке, донышко отвалилось. Понял он, что их хотят порченой водкой околдовать. Берёт свою молодуху и говорит: «Пойдём отсюда, нам здесь делать нечего». Видишь, что сила-то богова делает? Молитва-то.

Жили ещё две колдуньи у нас. Это мне моя бабушка рассказывала. Как-то одна сидит у окошка с прялкой, нитку шерстяную прядёт. А другая в это время мимо её избы проходила. У первой стала нитка рваться. Потом встречаются. Первая ругает вторую: «Что ты мне наделала? Нитка всё рвётся и рвётся, не могла допрясть после тебя!» А вторая орёт ей: «А ты что мне понос сделала! Я не могла до дома добраться! От куста к кусту бежала, то за сарай, то за баню еле поспею!» И смех и грех.

Они не могут без «дела», их, видно, черти разжигают, им обязательно надо выпускать ихнюю чёрную энергию.

Опять баушка Саня Левая рассказывала. Пришла она за чем-то к родственнице своей, баушке Лисане, её вроде Лизавета звали, колдунья была. Она мается. А чтоб к ней не приставали, не вынуждали её на «дела», она берёт совок с чечевицей и закидывает его в подпечье в окошко, откуда кочерги да ухваты торчат: нате, мол, черти, разбирайте, вам надолго хватит!

Колдовству научиться нельзя. Это умение можно получить от колдуньи только по её смерти. А умирают они долго

и мучительно за бесовские-то делишки. Не могут испустить дух, пока умение своё не передадут кому-нибудь. Умирала одна колдунья, шибко маялась, но никто из родственников к ней не подходил: боялись, что перейдёт к ним от старухи. Им и жалко её было, сколько мучается и отойти не может. Она всё просила, чтобы ей руку дали. Тогда они придумали, как поступить. Растопили печку. А она всё зовёт: «Дайте руку!» Ей вместо руки-то дали веник и сразу бросили его в печь. Веник в огне запищал, заверещал страшным голосом, то ли человеческим, то ли бесовским, они аж перепугались. Колдовство сгорело, а колдунья наконец-то померла.

А когда баушка Лисаня помирала, дак лазали на крышу и под застреху засовывали деревянную ложку, коей она ела, такая примета тоже была. Или надо конёк на крыше сдвинуть, и это помогает им уйти, куда требуется. Рассказывала мне твоя прабабка Надежда, что жил когда-то на Хуторе дед Осип Зиновьевич, колдун. Старый стал, помереть хотел, видно, уж жизнь не мила стала. А тут мимо проходила как раз твоя прабабка, он ей и кричит: «Надежда, возьми жердину да сдвинь хоть мне на крыше конёк». Она, говорит, испугалась, отвечает ему: «Да что ты, милый Осип Зинович, мне и жерди-то не поднять». И ходу от него.

Бывало, бесы колдунью-то под смерть затащат за диван или под печь. Пришли проверить одну старуху – жива ли. А она под печью! Батюшки святы! Да как ты туда попала? А она и сказать не может. Насилу вытащили её оттуда, за подмогой бегали.

А ещё за Волгой в Самети жила колдунья по имени Ряполовка. Многое могла. К ней обращались за приворотом и прочими «делами». Из нашей деревни к ней тоже ездили. Если на водке колдовство своё сделает, то мужик выпивать

будет, без водки ему уже не обойтись, такие дела без последствий не бывают.

Чудили много колдуньи. Пусть уж лучше чудят, чем людей портить. Тётка твоя рассказывала, Тамара. Гуляла она в Куребине с подругами да ребятами. Домой возвращалась поздно. Проводили её до Филина: «Дальше одна дойдёшь, поле только перейти». Она подходит к деревне, а на перекрёстке стоит корова, белая, как полотно, с красными глазами. Такой-то и нет ни у кого у нас. Она испугалась, душа в пятки, бегом домой мимо этой коровы. Рассказала матери, она говорит, что это колдунья творит. Говорила тебе? Ну, вот, сам слышал. А то увидят на прогоне белья полно навешано белого, там никогда никто бельё не вешал, улицу не перегораживал. Там тоже перекрёсток, всё на перекрёстках чудят. А то изба вся снаружи газетами оклеена, как так? Всё это в полночь да около того. Хоть дома сиди, никуда не ходи. Жуть. Упаси бог.

Баушка Анна, что жила в Чумиковом доме, однажды застукала баушку Булавку. Булавка тоже не наша – заволжская. Вышла баушка Анна подышать свежим воздухом, может, не спалось ей, а в соседском огороде за кустами коза белая скачет. Чья? Как она туда попала? Не поздно ещё было. А потом никакой козы уж нет, и выходит из огорода Булавка в белом плату. Увидала баушку Анну, испугалась. А Анна её и спрашивает: «Суседка, а что за коза у тебя в огороде была?» А та отвечает: «Это не я была! Это не я!» Их бесы-то, видно, подначивают, заставляют «дела» творить, «мастерство» своё показывать, а то им покоя не будет. Вот они и выходят из себя, или как это у них получается? Не знаю, не могу сказать.

В деревне жизнь другая, нежели чем в городе. Совсем другая. В городе и о колдуньях-то, поди, совсем не слышали. А у нас были. Теперь нет их давно, извелись все. И слава богу!

УНИЖЕННЫЕ, ИЛИ «КОСТРОМСКИЕ ИЗЛИШКИ»

– До самой войны в деревне царили сплошная нищета и голодуха, да и после войны тоже, особенно в 1947-м. Колхозы не могли выйти из упадка. Их первой заповедью было обеспечить город, исполнить свой долг перед государством. Начальство колхозов заботило не благополучие крестьян, а выполнение плана поставки, выплата налогов. Колхозники облагались непомерными налогами. Едва выполняли планы обязательной сдачи всего – от яиц, молока до хлеба и льна. Государство считало, что крестьяне как-нибудь прокормятся сами – с огородов, от животины. Нас считали единоличниками. Совсем другое отношение было к городским рабочим, которые не имели частной собственности. Мы были унижены! Государство унизило нас дальше некуда. Колхозникам не давали паспортов, они могли переселяться лишь из деревни в деревню, в город без паспорта не сунешься. Бесправными мы были. Существовало настоящее «крепостное право». Мы из кожи вон лезли – выживали. Люди в городе работали за деньги, могли себе купить спички, керосин, мыло. А мы – бесплатно, за «палочки»-трудодни, от темна до темна с самого детства. Потом в конце года за эти «палочки» давали мизер чего-нибудь: зерна или картошки, если в колхозе что-то оставалось после поставок государству. Купишь по дешёвке мыло, а в нём деревяшка, обманывали нас кто как мог. Мы, дети войны, голодали: ни витаминов, ничего не видели, слабые с рождения. Да и сейчас здоровья нет.

Государству надо было сдавать жиры: сало или масло, 340 литров молока, 300 штук яиц. Никого не волновало, есть у тебя куры или нет. За свои деньги покупали мясо и сдавали в закрома государства. Корова наша Зорька была умная,

доилась помногу. Хотели как-то её у нас описать за налоги. Жалко, но пришлось скорее её продавать – хоть деньги выручить, да и им чтобы не досталась.

Город, вроде, расцветал. Америку догоняли. Но в Костроме тоже есть нечего, всё везут в Москву. Магазин называется «Костромские излишки»! В магазине продавец ехидничает: «О, деревня приехала закупаться». Нас, деревенских, сразу видно. А я человек грубый, прямой, могу сказать всё, что думаю. И говорю ей: «Прекрасная дама, а вы хоть знаете, на чём картошка растёт и как поросёнка вырастить? А мы вырастили и сдали государству. Бесплатно! Наше мясо в Москву повезли, а у нас в Костроме жрать нечего. Мы садимся в поезд и догоняем наш костромской. Кто вас кормит? Вон у вас колбаска и по два тридцать, и по рубль девяносто да по рубль шестьдесят мясо на выбор! А мы в деревне изнемогаем, живём только чистым воздухом да природой, вот и всё».

– Так и назывался магазин – «Костромские излишки»?

– Да, так и назывался. Да «Ярославские излишки», да прочие «излишки», нам аж было смешно. Даже манку везли с Москвы, а гречку уж мы и в глаза не видели.

Смотрим: кофе в магазине продаётся. А мы и не знали, что это такое, слышали только, что хороший напиток, энергию даёт, читали немного о нём в газете. Да читать-то в деревне негде ничего взять, книг нет ни у кого. Захотели купить кофе-то, а нам продавец говорит: «К банке полагается килограмм сырой рыбы в нагрузку». Я отвечаю: «Женщина, мы приехали за своим. Мы работали больше вашего, и для вас, и для всей вашей родни. Мы с Волги, рыбы у нас полно, вы возьмите эту рыбу себе. Нам не одну банку надо, а штук по пять: надо и брату привезти, и сестре, и соседу». Она говорит: «Я вам сочувствую, я сама из деревни. Дам вам по три

банки, а за рыбу я не отчитываюсь, москвичи рыбу покупают, у кого живность есть». Понятливая попалась продавец, молодец. Привезём кофе в деревню всем на удивление.

Вот и приходилось ездить в Москву да везти оттуда всё, что можно, чтоб прокормиться. Так и жили в деревне – всю жизнь униженные.

ДЯДЯ КОЛЯ

Услыхали мы, что от нашего завода машина в Ярославль пойдёт. Ну, мы с подругой и собрались ехать. Я уже не помню по что, по каким-то делам. Поехали. Приезжаем в Ярославль. Слезаем с грузовика. Договорились с шофёром, что и обратно с им же поедем.

Народу много, всё незнакомые. Машины так и уркают туды-сюды мимо нас. А время-то уж к обеду, нам исть захотелось. Пошли искать столовую. Быстро нашли, на этой же улице. Заходим. Встали в очередь. Вкусно пахнет харчами-то. Взяли по булочке да по компоту. Выходим в зал – народу полно, не знаем, куды и присесть. Видим, за столом один дядька. Мы к нему. А я возьми да и скажи: «Дядя Коля, можно к тебе присесть?» Он от удивленья жевать перестал, чуть не подавился. Глаза на нас вытаращил и говорит: «А откуда вы знаете, что меня дядей Колей зовут?» Мы как захохочем, да не остановиться нам, да до слёз, аж перед людьми неудобно стало. Ой, милые мое-те, молодые были, весёлые. Что и говорить.

ЛАЗАРЬ РЯБЕШКИН

Раньше к нам с Нагорья приходили гулять ребята с девками на вечёрки, и мы к им ходили. Тогда дорога торная была

лесом, это теперь всё заросло и никакой дороги уж нет. Жил там, в Захарове, Лазарь Рябешкин. Простой, добрый, безобидный, только немного тово.

Однажды приходит ему повестка из военкомата, дескать прибыть надо. Увидали ево на дороге и спрашивают: «Куды собрался такой нарядный, Лазарь?» А он и говорит, важно так: «В город еду. В райкомат нашшот кументов!»

А другой раз пришёл он в колхозную контору за зарплатой, тогда уж деньги платили. Табельщица ему выдаёт заработок одной сторублёвкой. Он завозмущался: «А што так мало даёшь-то? Работаешь-работаешь цельный месяц и ничево не платят!» Табельщица-то знала, что он немного тово. Взяла у него сторублёвку обратно и выдала ему сто рублей жёлтенькими рублями – цельную пачку. Он обрадовался: «Во, другое дело!» И ушёл с песней.

А потом как-то пошёл он по грибы да и пропал. У нас в лесу-то, в Песочне, военные лагеря да стрельбища. А он всё в ту сторону ходил, там много гриба было. Наверно, там и пропал, может, близко к стрельбищу подошёл, ево и убило, в общем, погиб. Искали, искали, да и искать полно. Царствие ему небесное, бедняге, божьему человеку.

МАШКЕ НА РУБАШКУ

В одной семье было двое деток – мальчик и девочка, а может, и ещё были, плохо помню. Жили тогда очень бедно. Гришка много болел у них, и родители решили везти его в дальнюю деревню заговаривать ангину к бабке-знахарке. В наших краях их ещё колдуньями звали. Надо было чем-то отблагодарить бабку. Не нашлось ничего подходящего, кроме небольшого ситцевого отреза. Матери жалко было отдавать

ткань. «Ведь здесь хватит Машке на рубашку!» – сказала она мужу. Но ничего не поделаешь, с пустыми руками не поедешь.

Дело было уж по снегу. Отец запряг в сани лошадёнку, и поехали они втроём в дальнюю деревню. Показали бабке Гришку. Она всё сделала, как положено, заговорила мальчишку: «Болезнь более не должен, только беречься надо». Мать подаёт ей отрез ситца в благодарность. А бабка и говорит ей: «Не надо, оставь Машке на рубашку». Вот ведь какие колдуньи-то раньше были.

БАНЯ-ЗЕМЛЯНКА

В бывалошные времена некоторые бани у нас были в землянках. Жили бедно, денег не было, строить не на что. Выкапывали рядом с домом. Стены землянки обивались досками, пол дощатый, и на потолке на слегах доски покрыты рубероидом и завалены землёй. Только труба одна торчит от каменки над холмиком. Вход в баню выкопан лесенкой. Дверь настоящая, деревянная. Зимой вход заваливало снегом – откапывали.

У подружки моей была такая баня, она боялась там одна мыться, звала меня, когда мать или баушка истопят. Это когда ещё мы в девках были. С лампой ходили керосиновой. Спустимся – сыростью пахнет. На полу в углу лягушки квакают. Стены чёрные, закопчённые. Так и мылись, как дети подземелья. Жуть, как в могиле.

РАННИМ УТРОМ

Вчера вечером планировали с бабушкой Татьяной пойти по грибы, вот она и будит меня сегодня чуть свет. Невыноси-

мо хочется продолжить потревоженный сон. Глаза не открываются, но всё-таки пересиливаю себя. Кое-как поднимаюсь – очень хочется пойти в лес, давно этого ждал.

Бабушка научила меня разбираться в грибах, отличать съедобные от поганок. С дедушкой я тоже ходил в лес, но реже.

Тихо, только часы тикают. Свет в доме бабушка не включает. Пока одеваюсь, она припасает корзинки. Берёт дедушкин пиджак, кладёт в его карман плюшку и помидорину на случай, если есть захотим. Обуваем резиновые сапоги и выходим из дома. Ничего не говорим друг другу. Я всё ещё никак не проснусь до конца.

Плотные серые сумерки. Туман в деревне. Влажный свежий воздух. Тишина. Листочки на ветках берёзы не шелхнутся, ни одной ранней птички не слышно, и петух наш ещё не кричал. Всё замерло. Спит деревня. Природа спит глубоким сном. Воздух недвижим. Всё недвижимо. Только мы с бабушкой молча идём в этом замершем мире, боясь нарушить тишину. Наши сапоги мокры от росы.

Люблю я раннее-раннее утро. За его таинственность, покой, за совсем другие ощущения, нежели днём...

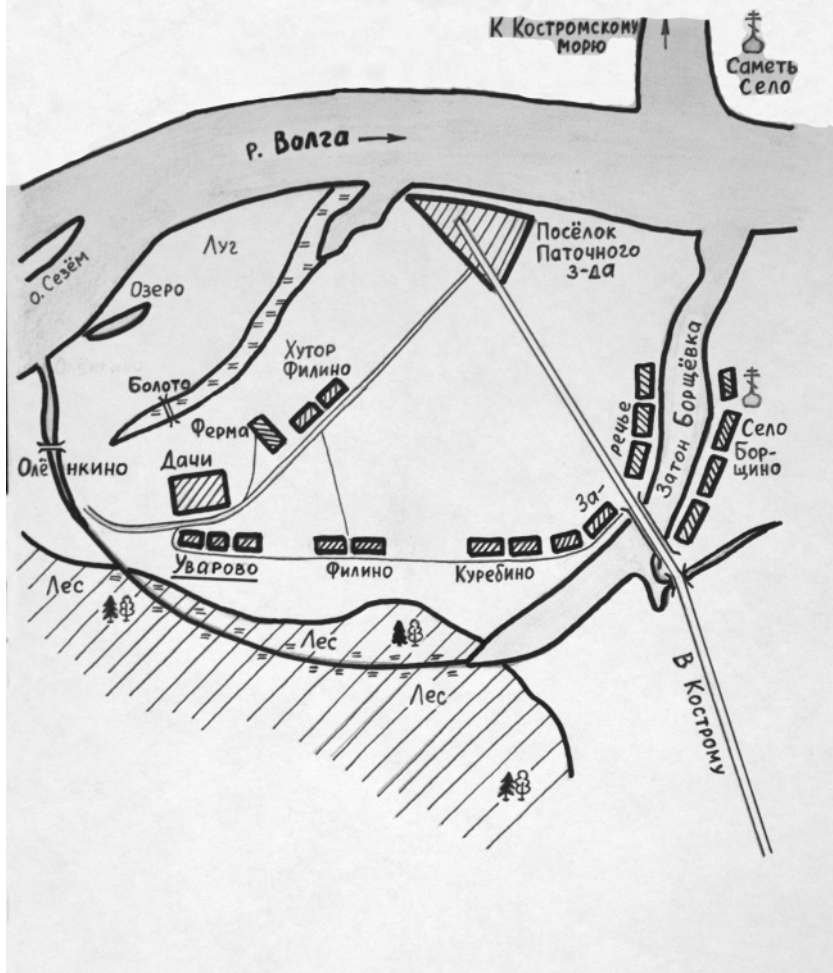
...Выйдем из леса уставшие, с полными корзинками, когда солнце будет светить вовсю. Я пойду босиком. В одной руке сапоги, в другой грибы; школьный пиджак будет повязан за рукава вокруг пояса – жарко. А бабушка по дороге нарвёт ромашек – она очень любит цветы.

БЫЛО ВРЕМЯ...

Очерки

карта-схема нашей округи

ИСТОРИЯ НАШЕЙ МЕСТНОСТИ

Борщинский стан и село Борщино

Наша деревня Уварово принадлежала к Борщинскому стану, центром которого являлось село Борщино. Оно находится в двадцати километрах от города Костромы в Костромском районе. Название село получило по местности, так обычно называют заливной луг (наволок) по преобладающему виду растительности – борщевик (борщевник). Растение относится к высоким зонтичным.

«Село Борщино в 1603 году [впервые упоминается] было дано в поместье Неверу Зворыкину, а от него по наследству в 1658 году перешло к С.И. Грамматину. Отец его дьяк Иван Грамматин, «будучи в государеве деле указы царя не слушал и делал дела самовольством, и за это на Ивана Грамматина положена государева опала». С.И. Грамматин – предок поэта Н.Ф. Грамматина, служившего директором Костромской гимназии.

В начале XVIII века Борщино было в вотчине поручика И.И. Рылеева, отец которого Никита Иванович Рылеев при Екатерине II служил обер-полицмейстером Петербурга.

В вотчине Рылеева, в селе Борщино, среди крепостных были искусные архитекторы (мастера каменных дел), занимавшиеся проектированием и строительством каменных церквей. В 1770 году борщевскую вотчину у Рылеева купил И.А. Волков, и его крепостной мастер Иван Аврамов подражается построить в Галиче каменный Преображенский собор. Строительство из-за отсутствия средств велось медленно и небрежно, и Галичская провинциальная канцелярия на это жаловалась Екатерине II. Воевода Галича послал солдата-рассылщика Андреева в село Борщино с приказанием

доставить Аврамова в Галич, но «токмо объявленного крестьянина в доме не оказалось, а находится в Санкт-Петербурге при каменной работе». Достраивали Преображенский собор другие мастера на деньги, отпущенные государством.

В 1861 году Борщино с деревнями Уварово, Заречье, Куребино принадлежало Н.Г. Текутьеву, сестра которого Елизавета Григорьевна была замужем за Л.А. Пушкиным, дядей великого поэта А.С. Пушкина». (Из книги «Костромской район: вехи истории». К 75-летию образования района 1928 — 2003 гг. - Кострома, 2003. - 399 с., ил..)

«Церковь в Борщине впервые упоминается в 1629 – 1630 годах, когда в селе стоял деревянный шатровый храм во имя свт. Николы (летний), рядом с которым имелось «место церковное», оставшееся от сгоревшего зимнего храма в честь Воскресения Христова. Через какое-то время на этом месте построили новый зимний храм, освящённый во имя трёх святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. В начале 90-х годов XVIII века на средства местных помещиков взамен деревянных был возведён каменный пятиглавый храм с трёхъярусной колокольной, освящённый в 1795 году. В храме имелось три престола: 1) в холодном четверике – во имя свт. Николы, с тёплой трапезной; 2) правый – во имя Трёх святителей; 3) левый – во имя святого великомученика Георгия Победоносца. (Первые два престола были перенесены из деревянных храмов, а имелся ли в них Георгиевский престол, или он появился по воле храмоздателя, неизвестно). В начале коллективизации, в январе 1930 года, были арестованы настоятель церкви священник Павел Крылов, староста Е.М. Ивушкин и председатель приходского совета Е. Кокова, приговорённые к заключению в лагере и ссылке. В августе 1945 года чекисты вновь арестовали на-

стоятеля – священника Дмитрия Благовещенского. В обоих случаях храм в Борщино оказывался на грани закрытия, но верующим удавалось отстоять его. 21 сентября 1995 года во время празднования 200-летия возведения церкви в камне Божественную литургию в ней совершил архиеп. Костромской и Галичский Александр (Могилёв). В июле 2002 года взамен сброшенных в 30-е годы на колокольню храма были повешены новые колокола, отлитые на средства В.В. Романова, жертвователя из Дании, уроженца этих мест». (Из книги Д.Ф.Белорукова «Деревни, сёла и города Костромского края» - Кострома, 2000. - 535с).

Когда началась Великая Отечественная война, многие мужчины из нашей округи ушли защищать Родину от врага. В селе Борщино в семье Зачиналовых погибли шесть сыновей: Александр – 37 лет, Дмитрий – 35 лет, близнецы Иван и Сергей – 30 лет, Алексей – 28 лет, Виктор – 22 года.

Наша местность окружена водой. С севера и востока её огибает Волга, на юге и западе от Волги – затон (залив) Борщёвка, который переходит вдоль леса в болото. Из него вытекает довольно широкий ручей Олёнкино (уже в уваровских местах), он на северо-западе впадает в Волгу. Круг замкнулся. Но село Борщино находится на внешней стороне Борщёвки, недалеко от берега Волги. Через болото есть гати, по которым люди ходят в лес. «Сходить бы погулять. Да не пускает гать». Две из них находятся за нашей деревней, одна – в овраге, где раньше была дорога через лес в Чёрную Заводь (Ярославская область). Лес тоже полудугой обступает нашу округу от деревни Куребино до самой Волги.

Если посмотреть на округу с высоты птичьего полёта, то это будет так. Вообразим треугольник село Борщино – крахмало-паточный завод – деревня Уварово. От Борщина через

мост до паточного завода проходит автодорога из Костромы. В посёлке завода – конечная остановка автобуса, асфальт кончается. Между посёлком и Уваровом находится Хутор Филино. Между Борщином и Уваровом расположились три деревни: Заречье и Куребино, которые слились в одну, и Филино. От Уварова до паточного завода примерно два с половиной километра, этот путь ближе, чем от Уварова до села, поэтому деревенские ходят в магазин и на автобус в посёлок паточного завода.

Раньше Волга сильно разливалась (это было до строительства Костромского водохранилища, когда была затоплена огромная территория вместе с деревнями и сёлами, жителям которых предоставили жильё в городе), и из нашей деревни в борщинскую школу деток возили на лодках по большой воде по болоту. От большой воды затапливало филинские дома, стоявшие ниже. Поэтому люди во избежание следующих затоплений стали строиться выше, на линии Уварово – паточный завод. Так появился Хутор Филино, в простонародье Хутор.

К Борщинскому стану относятся и другие деревни, но я описал только свою округу.

Крахмало-паточный завод и его посёлок

Костромской крахмало-паточный завод – одно из старейших предприятий этой отрасли в России. Он был построен в 1878 году предпринимательницей Марией Григорьевной Спиридоновой. После революции он назывался «Коминтерн» (Коммунистический Интернационал). Так же назывался и посёлок. В округе у колхозов было много картофельных полей, и на заводе перерабатывали картофель в крахмал, а из крахмала вырабатывали патоку. Излишки картофельного

урожая на завод сдавали и с окрестных деревень за деньги. Как говорится, «картошка у нас большая: пять-шесть картофелин съел и наелся, две-три картошки – и ведро». Завод работает по сей день.

Посёлок находится на берегу Волги. Жизнь посёлка в XX веке интересна прибывшими сюда до войны двумя личностями – белогвардейскими генералами. Их имена – Леонид Константинович Чернявский (1869 – 1960) и Владимир Фалевич, отчества его уже никто не помнит. Чернявский точно был генералом, Фалевич, возможно, имел звание полковника или подполковника, но обоих в народе называли генералами. К сожалению, эту информацию, которую я записывал со слов людей, их помнящих, проверить, наверное, нельзя, и родственников у них не осталось. Поэтому я полагаюсь только на людскую память.

Оба они были образованнейшими людьми. Мало сказать, что их уважали – их боготворили. Народ кругом был малограмотный.

Видимо, они прибыли в посёлок по назначению. Владимир Фалевич приехал без семьи. Он имел царское финансовое образование. Ему быть бы финансистом большого предприятия, а он работал кассиром (бухгалтером?) на заводе. В народе ходила частушка: «Дела идут. Контора пишет. Фалевич деньги выдаёт». Женился на уваровской женщине Татьяне Ивановне Галашиной. Её родная сестра дала отчество своей дочери Александре по имени Фалевича – Владимировна. Он был ей вроде названного отца. Супруга Фалевича – женщина грубая, но справедливая, порядочная, рассудительная. Родственников своих лишней раз в дом не пускала. Фалевич имел ранение, болел. Потом располнел и из дому уже не выходил. Говорят, у него были золотые монеты — царские чер-

вонцы. После его смерти их наследовали жена и её родственники, которые прозаически распорядились ими – пустили золото на вставные зубы.

Сейчас на борщинском погосте нет надгробия Владимира Фалевича. Территория кладбища, что вокруг храма за оградой, не расширяется десятилетиями. Много лет хоронят здесь усопших со всех окрестных деревень. В могилу кладут по четыре человека, в узких проходах между захоронениями делают новые, выкапывая прежние истлевшие останки. В могилу Фалевича похоронили родственника его жены, при этом не упомянув на новом памятнике прежде усопшего. Так растворяется во времени память о человеке.

Леонид Константинович Чернявский в посёлок приехал с супругой Валентиной. Детей у них не было. Чернявский построил дом (не сохранился). Взял в прислуги молодую девушку Наталью Шапкину из села Петрилово, что за Волгой. Супруга его болела и перед смертью наказывала: «Леонид, кто после моей смерти хорошо заплетёт в косы и уложит мои волосы, отдай той моё чёрное шерстяное платье». В то бедное время носить было нечего. Шикарное платье досталось служанке Наташе. Супруга умерла, когда Чернявскому было шестьдесят восемь лет. Он предложил девушке Наталье выйти за него замуж. И та согласилась. Брак оформили официально. Леонид Константинович, можно сказать, воспитал Наталью, привил хорошие манеры, научил разбираться в литературе, музыке. Сам он имел превосходное образование и воспитание. Очень любил детей и преподавал в сельской школе немецкий язык, черчение, рисование, вроде даже музыку. Кроме этого был отличным фельдшером. У Чернявского, по рассказам очевидцев, была огромная библиотека: дорогие старинные книги. Его молодая супруга работала

в детском садике. У них родилось двое детей: Сильва, при крещении Екатерина, и Игорь. Дочь он назвал в честь своей матери. Игорь умер по окончании школы – ему нечаянно повредили голову. Отец не смог его вылечить и спасти. Сильва работала учителем, как и отец. Она скончалась после смерти отца от осложнения после простуды.

Леонид Константинович Чернявский прожил в чести и уважении полных девяносто лет. На кладбище за алтарём церкви находится надгробие Чернявских с фотографиями.

Интересно было бы узнать побольше о судьбах этих белогвардейских офицеров: где родились и жили, где учились и воевали? Откуда они приехали? В каких архивах искать информацию о них, и есть ли она?

Деревня Уварово

С незапамятных времён люди селились на берегах Волги, в этих красивых, богатых рыбой, зверем и птицей местах. Об этом свидетельствует «Перечень объектов культурного наследия федерального значения, расположенных на территории Костромского муниципального района Костромской области». В перечне: «Памятники археологии (имеющие историческую, культурную и научную ценность): Стоянка Уварово 1, неолит, ... 1,3 км к Ю-В от деревни, правый берег р. Волги. Стоянка Уварово 2, неолит, ... 1 км к Ю-В от деревни, правый берег р. Волги. Стоянка Уварово 3, неолит, VI-V тыс. до н. э. ... 0,4 км к С-С-З от деревни, правый берег реки Волги». Рыбаки и охотники до сих пор уважают наши места.

Как уже было сказано выше (из книги «Костромской район: вехи истории) деревня Уварово в 1861 году принадлежала Н.Г. Текутьеву, сестра которого Елизавета Григорьевна была замужем за Л.А. Пушкиным, дядей великого поэта А.С. Пушкина.

кина. Это пока единственная дата, когда впервые упоминается наша деревня. Информацией о Н.Г. Текутьеве я тоже не располагаю.

Наше селение неразрывно связано с лесом, поэтому буду говорить и о лесе тоже. Деревня небольшая, но и не слишком маленькая – больше тридцати домов. В середине прошлого века домов было больше сорока, по памяти моей мамы Тамары Ивановны. Уварово имеет по-своему выгодное расположение в плане удалённости от цивилизации. От асфальтового шоссе далеко. Деревня не проезжая, поэтому нет чужих. Сельская дорога не проходит по деревне, как в большинстве деревень, а огибает её вокруг. Таким образом, Уварово представляет собой целостное уютное селение в два с половиной порядка изб. Правда, в середине неё поперёк порядков есть прогон, в который выгоняли коров. Деревня – самая последняя из ряда селений, идущих от Борщина, так сказать, «край». Дальше пути нет, дальше лес сходится с Волгой. Хотя ещё лет 40-50 назад была торная дорога лесом в село Чёрная Заводь километрах в семи-восьми, это уже в Ярославской области. С нашей деревни ходили туда в храм, магазин – там была пекарня, где пекли вкусный хлеб. А из Заводи одна женщина ходила на работу на паточный завод. Осенью и зимой в тёмное время суток надо было иметь немало смелости идти по лесу столько километров. Теперь дорога заросла. Несмотря на кажущуюся ограниченность лесом и рекой, раздолья хватает. Есть луговые дали, где может раствориться устремлённый туда взгляд.

До революции около деревни находился кирпичный заводик Батурина. Теперь на месте заводика берёзовая роща Глинищи, где деревенские до сих пор берут глину для печек и ходят туда по грибы. В деревне было несколько домов на

каменном подклете из кирпича, произведённого на этом заводе. В таком доме жил один дед, который держал ульи. Когда он снимал первый урожай, приглашал деток. Так положено делать, чтобы пчёлы жили и водился мёд. «Мы прибежали с блюдечками и хлебом, макали мёд и лакомились. Дед всех нас накормит. Было голодное военное время, сладкого не видели», – вспоминала Валентина Николаевна Гусева. Ни один такой дом не сохранился. Из этого же кирпича сложена печь в доме у Валентины Николаевны.

В каждой уваровской семье было, как правило, много детей. Когда взрослые уходили на колхозные работы, то ребятшек приводили в ясли или детский сад, который находился в доме Александры Галашиной – Санилевой. Дом её был большой, в пять окошек по лицу. Для неё отгородили комнату в два окошка, а остальную часть отвели для малышей. Водились с ними девочки лет 12-14, которые ещё не доросли до работы в колхозе. Этот старый дом разобрали на дрова, когда не осталось наследников. Он находился через дом от нашего, на соседнем порядке. Помню его хозяйку – маленькую старую бабушку, ходившую летом в валенках. К ней на лето приезжала внучка Марина, с которой я дружил.

Во время колхозов на месте теперешних лесов были поля, где растили картошку, капусту, морковь, горох, турнепс, свёклу, репу, брюкву. На опушке леса осталось несколько ям от овощехранилищ. Также сажали овощи на волжском острове Якушкин, а на острове Сезём заготавливали сено. До Сезёма была построена каменная дамба, которую затопило в 1956 году, когда заполнили водой Костромскую низину (Костромское море) при запуске Горьковской ГЭС. Сено разрешали заготавливать только после того, как запасёт себе колхоз, который назывался «Красная Волга». Деревенским остава-

лось обкашивать болота да в лесу искать траву по лединам и палестинам. В лесу было чисто, красиво; грибы можно было косить косой на полянах; существовали проезжие дороги, потому что в лес ездили на лошадях за сеном и на тракторах за дровами.

Многие названия лесных урочищ произошли от имён бывших хозяев покосов или земельных участков, которые находились раньше на этих местах. Это Шуровы ворота, Китаева ледина, Осипово поле, Пашино поле, Грунино поле, куда я люблю ходить по грибы и где бабушка показала мне свою грибную примету – кривую берёзу. Ручей Олёнкино – скорее всего тоже название отымённое, здесь находился чей-нибудь покос. Кроме этого есть лесные урочища Частые, Оносково, Каменщик, Зимняк, Каржихи, Черничная грива, ручей Куркиш, Заводский ручей.

В советские времена в лесу проводились мелиоративные работы – осушали болота. Прорыли большую канаву к Волге, почти через весь лес. В деревне называли её почему-то «бам», но чаще обвал. При этом: «Пропали многие виды цветов, пропала ягода брусника, – рассказывает жительница деревни, знаток и любительница леса, – моя бабушка Анфиса приносила пучки разных лекарственных растений, лечились-то травками, и некоторых трав не стало. Тогда же выкопали пруды для животных, они заросли и пропали. Искляки некоторые ручьи, из которых можно было пить воду. В общем, нарушили создававшийся веками природный устой». Вот тебе и мелиорация!

Деревенские ходили в лес по землянику, малину, смородину, калину, собирали даже черёмуху.

На поле между Уваровом и Филином колхоз выращивал кусты смородины, из которой прямо на месте давили сок.

Кроме того, здесь выращивали огурцы. В моём детстве на этом поле растили горох. Мы, ребята, прибегали сюда за лакомством, набивали полные карманы стручков. Теперь это поле заброшено, как и все остальные поля в округе.

Между деревней и лесом есть затянутый ряской и заброшенный пруд, а раньше в нём купались. Всё приходит в упадок, нарушается. Нет теперь той полной живой деревни, которая была. Жизнь кипела в каждом доме. А теперь зимуют только в семи-восьми избах.

ИСТОРИЯ МОЕГО ДЕДА

Село

Мой дед Иван Степанович Борода родился в 1922 году в селе Подыще Прилукского района Черниговской области. Село большое, более трёхсот домов. Вольно раскинулось оно пятернёю улиц во все стороны. У хат на столбах черногузые длинноногие аисты на своих огромных гнёздах. Взлетают и кружат в голубом просторе и опять медленно садятся на гнёзда, трещат на пару розовыми клювами, задрав вверх и назад головы.

На белых хатах четырёхскатные крыши, посередине фигурная печная труба, расширяющаяся кверху. Ставни на окнах, двери и наличники выкрашены голубой или зелёной краской. В хатах просторно, в красном углу иконы Вседержителя и Богоматери убраны белыми, красиво расшитыми рушниками.

Возле хат большие участки земли, цветом усыпанные фруктовые сады. Вдоль села, причудливо извиваясь, блестит на солнце речка Удай с вязами, вёслами и тростником по берегам, с маленькими узкими лодчонками, затопленными и

на плаву. Раньше на речке стояли мельницы. Гуси пасутся на прибрежной травке, плещутся в прохладной воде. С Кручи – высокого берега Удая, что почти в начале села, у ближайших полей – открывается чудесный вид на речную даль. Здесь, в камышах и тростнике и на открытой воде, слышен громкий разноголосый гвалт речных и болотных птиц. За Кручей – Лысая гора, где не растёт ни дерево, ни кустарник.

Недалеко находится шведский курган. По преданию, во время Шведской войны в 1709 году здесь была битва жителей со шведами. Враги победили и сожгли село, которое тогда называлось Селище. Но крестьяне заново отстроились на новом месте. И с 1710 года село стало называться Подыще, от слова «подол» – низкое место, долина у подножия горы, часто у реки. Первое же упоминание села относится к 1615 году. Жили здесь крестьяне и вольные казаки. Первым поселенцем, по словам местных краеведов, был Борода. Никто не знает, была ли это фамилия или прозвище за чудесную бороду. Село делится на кутки, и здесь есть куток Бородівка.

С другого края села, у речки, – сосновая роща. Сосны высокие, стройные, как в сказочном бору, на земле и рыжих стволах светлые солнечные пятна. Здесь можно укрыться от зноя и надышаться сладким сосновым духом.

Вокруг села долины, просторные луга, где пасётся местное стадо рыже-белых коров, большие жёлтые и зелёные поля гречихи, кукурузы, подсолнечника и картофеля, дикие сады абрикосов, вишни, черешни, яблок и груш. Высокие пирамидальные тополя свечками стоят вдоль пыльных дорог. Много простора, есть где разгуляться вольному ветру. Много солнца и прозрачного воздуха. Высокое синее небо.

Красивое место с плодovитой землёй выбрали для проживания первые поселенцы.

Счастливая семья

Отца деда, моего прадеда, звали Степан Дмитриевич. Родом он с Украины. У него был родной брат Григорий и пять сестёр: Мотря, Санька, Маруся, Настя и Ульяна. Служил он мичманом на Имперском Черноморском флоте. Со службы привёз каждой сестре по золотым серёжкам (во время голода серёжки поменяют на еду). Взял в жёны Евдокию Дмитриевну Курбацкую с соседнего села Ладан. Родилось у них трое детей, в том числе и мой дед Иван.

Хозяйство было большое, земли много, трудились изрядно – щедрая украинская земля отвечала взаимностью. Жили хорошо, счастливо. Иванко ходил в школу. Построили новый деревянный дом. К четырнадцатому октября – празднику Покрова – въехали. Живи и радуйся!

Коллективизация

Началась коллективизация. Людей стали записывать в колхоз. Мой прадед Степан Дмитриевич записался тоже. Пришёл домой и сказал об этом матери, она его заругала, мол, куда ты влез в такую обузу! Он и забрал заявление обратно. Его тут же посчитали кулаком: в хозяйстве корова, лошадь, да вот ещё новая хата, где почти не пришлось пожить. Да и крепких хозяев старались в колхоз не брать – не будут, не смогут подчиняться.

От власти пришли «пролетарии» раскулачивать (раскуркуливать), их презрительно называли бездушным словом «буксиры», вероятно от слова «тянуть». «Буксиры» отняли весь скот, птицу, ценные и не ценные вещи, весь собранный урожай, еду на сегодня-завтра. Жена Степана Евдокия Дмитриевна спрятала в завязанный рукав ночной рубашки

ворочек крупы детям на кашу, всего-то на одну-две порции. «Буксиры» обыскали её, нашли и это отняли. Выгнали семью с малыми детками на мороз. На дворе декабрь...

Хату разобрали и куда-то свезли. Таких раскулаченных согнали сорок человек в одну хату, там они жили-маялись некоторое время. Потом Степана Дмитриевича угнали в райцентр Прилуки. Оттуда отправили по этапу на «соловки» (на остров Соловки(?)) или так уж говорили(?), где он и пропал.

Голод был страшный. Сначала пропали животные на улицах, потом голодные люди выкапывали оставшуюся кое-где в поле гнилую картошку, свёклу; когда этого не осталось, ели траву, кору с деревьев, варили кожаные ремни. Евдокия Дмитриевна, слабая здоровьем, и родные брат-сестра (или брат с братом, или сестра с сестрой – никто уже не помнит) умерли от голода. Иванко девяти-десяти лет остался сиротой.

Дедушка говорил, что, когда осиротел, из-за голода не очень осознавал смерти родителей, даже особой жалости не чувствовал, все мысли были об одном – чем бы только брюхо набить. А потом, когда вырос и окреп, осознал всю страшную горечь потерь и произошедших событий. Переживал сильно.

Сирота

Надо было как-то выживать. Началась беспризорная, скитальческая жизнь. Только одному Богу известно, о чём думал ребёнок, оставшись без матери и отца.

Иванко пас коров в ближайших районах, а когда отпускали с пастушества, приходил в село к тётке Мотре. Там не особо радовались его приходу, ведь это был лишний рот, у тётки своих двое детей, но что поделать, всё-таки родной племянник. Муж тётки Мотри был «буксиром», и она говорила сироте, чтобы тот не показывался ему на глаза. Иванко залезал

на шелковицу – плодовое дерево – и прятался там в густой листве. Когда было что поесть, тётка приносила немного и ему. А другой раз отрежет кусочек хлебушка, якобы корове, чтобы молоко было, но хлеб до коровы не доходил, несла его Ване.

Затем его пожалели и взяли в свою семью дядька Михайло и тётка Ульяна Степуренко. В голодовку у них умерли два сына 1928-го и 1931 года рождения. Дядька Михайло, тётка Ульяна и Ваня сначала работали в разных местах, Иванко продолжал пасти скот. А потом дядька Михайло попросил у директора совхоза разрешения работать всем в одном месте. Директор пошёл ему навстречу, зная, что, «где Степуренко работает, мне там проверять не надо», что работник ответственный, хлебороб с деда-прадеда. Стали они работать все в одном совхозе «Ивковцы». Дядька Михайло возил управляющего на лошади, тётка Ульяна поступила на ферму доить коров, а Иванка определили прицепщиком на тракторе. Он смотрел за трактористом, учился у него и, в силу своей смекалки, овладел навыками работы. Так стал трактористом и работал в совхозе до призыва в армию.

Выжил Иван во время лютого голодомора только благодаря своим добросердечным родственникам – тётке Мотре, дядьке Михайле и тётке Ульяне Степуренко.

Война

Началась Великая Отечественная война. Ивана призвали в армию. Профессия пригодилась. Иван строил военные аэродромы.

Передовая гремела в десяти километрах, шли бои с фашистами, а бойцу аэродромного обслуживания надо было выполнять свою службу, пусть и не под пулями, но не менее

тяжёлую и тревожную, чем там. Аэродромы часто бомбили, приходилось прятаться в убежищах. Как-то над аэродромом пролетал немецкий самолёт, выкрашенный в красный цвет. Лётчик пренебрегал маскировкой. Это было в начале войны, когда фашисты имели превосходство в воздухе.

Всё новые и новые аэродромы строились вслед за наступающим фронтом.

Когда война была на изломе и захватчиков теснили с родной земли, Ивана направили учиться на старшину. По дороге на учёбу он разглядывал непривычные пейзажи. Как много здесь островерхих елей, устремлённых вверх сосен, как новы для него деревянные избы русских сёл и деревень!

Выучился на «отлично», присвоили звание старшины. Вернуться на фронт не пришлось – самому поручили обучать новобранцев.

Потом его отправили служить в лагерь под Кострому. Там в 1944 году он познакомился с девушкой Таней, она работала поваром в столовой лагеря.

По рассказам бабушки, дедушка стал за ней ухаживать, а потом и замуж позвал. Бабушка сначала не хотела выходить за него. Говорила: «Вы люди военные, сегодня здесь – завтра там, обманете только и всё тут». Тогда дедушка стал рассказывать ей о своей тяжёлой сиротской жизни. Бабушка пожалела его и согласилась выйти за него. Это было уже в марте 1945 года, а в декабре у них родилась первая дочка – Валя. Затем из костромских лагерей его отправили дослуживать в Восточную Пруссию, а оттуда на Урал, в город Чебаркуль. В деревне стали ходить слухи, что Иван не вернётся, а поедет на родину. Бабушка написала ему об этом письмо. Дедушка отвечал, чтобы бабушка никому не верила, что он сам воспитывался без отца и не позволит, чтобы и его ребёнок рос

без отца. С Урала его и демобилизовали в 1946 году. Приехал в деревню к Татьяне. Предложил бабушке поехать жить на его родину, на Украину – «там посытнее жизнь». Но бабушка отказалась. Тогда он съездил на Черниговщину повидать спасших его во время голода родственников и вернулся. Расписались с Татьяной. В деревне приняли Ивана за своего. Устроился пока в артель на тяжёлую работу, благо парень здоровый да сильный. Собирали по лесам камень, били его и возили на лошадях для строительных нужд.

Годы за баранкой

В 1949 году Ивана приняли шофёром на Костромской крахмало-паточный завод, дали старенькую полуторку, и началась шофёрская жизнь.

Тянуло деда на родину. В 1954-м и в 1964 году ездил с Татьяной на Украину побывать в гостях у родственников, посмотреть, как цветут сады на Черниговщине, подышать воздухом родины.

Нелегка шофёрская работа, особенно тогда, в послевоенные годы, когда не были так совершенны, как теперь, автомашины. Зима. Мороз ли на улице, метель ли, дорогу занесло, а надо идти почти три километра до гаража завода. В восемь утра выезд. В кабине холодно, печек отопления кабины не было, приходилось ехать с открытой форточкой, чтобы не замерзало ветровое стекло. Не привык теплолюбивый украинский парень к таким морозам. Руки так и застывают на баранке. Не очень спасают валенки и тёплая одежда в продуваемой кабине грузовика. Приходилось терпеть холод. В городе на железнодорожной станции склад завода переполнен кукурузой, нужно возить сырьё, чтобы производство не останавливалось.

Весна, осень – время распутицы. От завода до трассы долго не было асфальта. Однажды ехал он с картофелем из колхоза, думал успеть вернуться домой засветло. Дорога – непролазная грязь, ухаб на ухабе. Старая полуторка еле тянула. Иван свернул в объезд по полю, но и там не лучше. Каждая яма под колесом отзывалась в душе болью за машину, к которой он относился как к живому существу. От такого вождения вся спина мокрая, пот по лицу. Засветло не получилось приехать, пришлось задержаться.

Летом доверили ответственную работу – на грузовом такси Иван возил людей. Автобусов не было. В кузове грузовика ГАЗ-51 устанавливались лавочки. Так люди могли съездить в город за покупками или по другим своим делам. Шофёр продавал билеты на места в грузовике, как в автобусе.

В 1951 году в семье родилась вторая дочка – Тамара, моя мама. Иван Степанович приносил с работы дочкам купленные в городе гостинцы – пряники и конфеты.

Однажды Ивана Степановича как опытного, ответственного шофёра отправили в командировку в подмосковный Ногинск за железобетонными плитами для строящейся конторы завода. Они с товарищем уже возвращались из дальнего рейса. И вот – остановка, отказало управление второй машины. И не помогает тут ни многолетний опыт Ивана Степановича, ни помощь проезжающих мимо шофёров. Пришлось пойти на риск: взять товарища на буксир и тянуть его до дома.

Дочки выучились в техникуме и разъехались из родительского дома по распределению: одна в Йошкар-Олу, другая в подмосковный Воскресенск. Там вышли замуж и родили трёх внуков. Приезжали в деревню к родителям теперь только в отпуск.

На заводе Иван Степанович был на хорошем счету. Его уважали за спокойный, ровный нрав, добросовестность и трудолюбие. Высоко ценили его профессионализм. Портрет его висел на Доске почёта. Его многократно награждали грамотами и благодарностями за отличную работу и высокие показатели, вручили медаль «За долголетний добросовестный труд». Дедушка был награждён орденом Отечественной войны второй степени. Полжизни проработал Иван Степанович Борода шофёром без нарушений и аварий! Тридцать четыре года за рулём! Ещё и после пенсии год-два крутил ба-ранку.

В деревне тоже уважали Ивана за хозяйственность, интеллигентность, начитанность. Звали Степанычем. Он интересовался политической обстановкой в стране и мире, любил смотреть передачу «Международная панорама», выписывал газету «Сельская жизнь» и читал книги. И все деревенские дела были на нём.

Однажды летним днём (26 июля 1994 года) вдоль дороги, по которой Иван Степанович каждый день выезжал на своём «газике» по путёвке в город, встали в ряд все заводские автомашины. Заревел заводской гудок, с ним слились воедино гудки машин. И нельзя было сдержать слёз от пронзающего слух и душу рёва сигналов... На заводском грузовике провожали в последний путь моего деда...

Непросты и нелегки судьбы людей того поколения, переживших голод, репрессии, войну и разруху. Судьба моего деда шофёра Ивана Степановича Бороды – одна из них. И кто вынес всё это, кого не согнула, не сломала жизнь, тот стал настоящим человеком, Человеком с большой буквы. Светлая тебе память, Иван Степанович!

НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ (рассказ моей бабушки)

Перед войной нас, молодых девчонок, взяли на трудовой фронт. Сначала под Песчаной горой мы прокладывали дорогу на Ярославль. Объявили войну. Мне было девятнадцать лет. Со строительства дороги нас перевели возводить военный аэродром за Костромой. Расчищали местность от деревьев, корчевали пни. На тракторах работали и женщины. Почти всё делали вручную. Когда площадку подготовили, привезли землю и разровняли, а мы этот грунт утрамбовывали: брались за ручки на верхнем конце короткого тяжёлого кряжа (бабы), поднимали его и с силой ударяли им о землю.

Когда аэродром был готов, прилетел первый самолёт – поднялось много пыли. Мы бегали смотреть на него.

Затем копали окопы под Костромой, под Ростовом Великим. Там уже нам по вечерам давали хлеба по шестьсот граммов. Хочешь – за раз съедай, хочешь – на завтра береги. Съедали всё сразу, разве утерпишь, не могли наесться. А весь следующий день работали голодные.

Потом нас отправили в Можайск. Прибыли туда, а город горит. Мы пошагали обратно. Когда шли к месту, видели на платформе восемь изувеченных женских тел, а потом место трагедии: кровь, сумки, тетрадки прямо на железной дороге. Женщины попали под паровоз. Видимо, шли между двух путей, насыпь высокая – не соскочишь, а эшелоны – навстречу друг другу, вот их и сбило. Такие же труженицы, как и мы.

Идём, слышим: вдали бомбёжка. Подошли – баню разбомбило, воронка большая, видно, немец метил в железную дорогу, а угодил в баню. Остановились в деревне Федотово, рядом станция Дорохово. Там мы копали противотанковые

рвы и окопы. Земля плохая, глинистая. Работали ломами и кирками, очень тяжело было, другой мужик не выдюжит.

Немец приближался. Один раз летит немецкий самолёт, мы напугались: вдруг стрелять начнёт или бомбы кидать. А он листовки выбросил. Одна женщина прочитала: «Русские дамочки, не ройте ваши ямочки, приедут наши таночки – заруют ваши ямочки».

Жили мы в доме у одной бабки. Как-то ночью слышим: «Бух! Бух! Бух!» А утром нас бабка спрашивает: «Девчонки, слышали, как стреляли, и отседа, и отседа?» «Как не слышать, – отвечаем, – аж стёкла дрожали».

На следующий день отправили нас в Москву. Семьдесят километров пешком. В шесть утра вышли и в шесть вечера пришли. Переночевали на Белорусском вокзале. Там узнали, что Дорохово уже взяли фашисты. Задержались бы на день – попали бы в плен. Нашли контору по трудовому фронту. Нас хотели оставить работать в Москве. С нами несколько мужчин было. Они говорят начальнику: «Отпустите хоть девчонок домой, они оборвались, овшивели, им бы в порядок себя привести». Начальник отвечает: «Ну, раз такое дело, пусть едут».

Узнали, какой поезд на Ярославль пойдёт, сели на открытую платформу, а дождь, снег мокрый летит. Мы с подружкой ехали всю дорогу, прижавшись друг к дружке. Хорошо, в Ярославле родственники жили, зашли к тётке. Она сварила нам большую кастрюлю картошки и подала буханку хлеба, раньше не такие буханки были – больше теперешних. Мы всё быстро съели – три дня голодали. Переночевали. Потом и до дома добрались. У мамы пироги были напечёны с картошкой, большие, размером с батон. Я съела полпирога и выпила полкрынки молока – съела бы всё, да поостереглась.

Зимой копали окопы под Саметью. Весь день на холоде, морозы сильные стояли, люди обмороживались, я щёку отморозила. Тут хоть домой на ночь ходили через Волгу.

С 1943-го по 1944 год работала на торфоразработках в Космынине, тоже тяжёлая работа, торф рубили топорами да ломами, потом грузили, лёгкой работы нигде и не было. В конце войны устроилась в столовую в военные лагеря.

Ой, горя-то приняли, Господи помилуй. Нечем помянуть молодое время.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

С тех пор как нам пришлось продать бабушкин дом в деревне под Костромой, я стал ездить в отпуск к бабушке двоюродной. Слава богу, что она меня привлекает. Тяга на родину своего детства в деревню Уварово не оставляет меня.

Бабушку зовут Лидия Михайловна Сулоева, пошёл ей восемьдесят пятый год.

Зная о её нелёгкой судьбе, о том, что она всю жизнь проработала грузчиком на крахмало-паточном заводе, я решил расспросить её об этом.

Серый дождливый вечер. В доме горит свет. Тикают ходики. Все нехитрые дела сделаны. Тётя Лида сидит на диване рядом с дремлющей кошкой, отдыхает. Представился случай поговорить, а то всё времени нет. Она то в огороде шишится, то траву вокруг дома побеждает, то в лес по грибки убежит – всё при делах. Детство её пришлось на предвоенные и военные годы, и мне интересно, как жила она и её семья в то время.

– Тёть Лид, Расскажи о себе, о детстве, как вы раньше жили.

– Ой, я уж и не помню много. Ну, жили, как и все в то время, небогато. Семеро детей нас было. Спасала матушка-Вол-

га. Отец рыбачил. Поймает много. Рыба крупная. Рано разбудит. Наложит рыбу в корзину и отправит в деревни за десять километров менять на крахмал. Там её охотно брали, Волга-то далеко. Мужики спрашивают: «Девочка, сколько тебе наложить, много, наверное, не донесёшь?» А крахмал сырой, тяжёлый. «Кладите, сколько наложите», – говорю. И обратно в путь, и опять с торбой. В хозяйстве была корова, пекли крахмальные лепёшки на молоке.

Несколько братьев и сестёр умерли, когда маленькие были, Поля – в юности. Брата Павла на войне убило.

Пришлось идти работать в колхоз лет в девять или десять. Школу оставила. Некогда было учиться, надо помогать семье. Работу выполняли лёгкую, пока детьми-то были: пололи и резали табак, гребли сено. В колхозе проработала до тридцати лет за «палочки» – ставили в табеле единицу-чёрточку за отработанный день. За это время вышла замуж, народилась дочка Тамара. После колхоза приняли меня грузчиком на крахмало-паточный завод, он тогда назывался «Коминтерн» (Коммунистический Интернационал). Бочка – мешок, бочка – мешок, и так до пенсии.

– Тяжёлая работа была? – задаю глупый вопрос.

– Да - а. Бочки с патокой и мальтозой грузили на машины. Закатывали их по трапу, а в кузове переворачивали и ставили на место. На нас с Таней Лариной все дивились: «Такие маленькие, их и не видать из-за бочки».

Однажды пришёл на завод в грузчики молодой парень. Работает неловко, неумело, с бочкой не может справиться. Мужики кричат: «Лидея (так зовут Лидию Михайловну в деревне, с ударением на второй слог), иди, научи его бочки ворочать – он не умеет». «Вот как надо, – показываю ему», – смеётся тётя Лида.

И вагоны разгружали с торфом и с кукурузной мукой на товарной станции – всё мешки. Работа тяжёлая, но мы привыкли, пели песни, много шутили, смеялись – так легче.

А бывало, отработаешь, идёшь домой и не знаешь, что там ждёт. Васька-то, муж, пил у меня. Как-то вижу: самовар наш валяется на дороге, выброшенный им в окошко. А то запрётся и домой не войдёшь. Или руки начнёт распускать. Часто к соседям загонял, доставалось порядком.

Тётя Лида замолчала, смотрит в одну точку. Вытирает глаза платком.

– Да-а, – говорю, – и после трудового дня нет покоя.

– Работала грузчиком на заводе до шестидесяти лет, – продолжает тётя Лида, – попросили уйти «в связи с перестройкой», а я ещё хотела поработать. Мужики, кто ещё живой, до сих пор шутят: «Лидея, идём бочки с патокой грузить».

А я вспомнил такой случай. В один из дней прошлого лета привезли в деревню газ в баллонах. Надо было снять баллон с бортовой машины и отнести на двор. Лидея подбегает ко мне, говорит: «Один не берись, давай вместе. Я научу тебя, как надо, вот так: р-раз - два, оп-па» – и берётся за тяжёлую сторону баллона. «Нет, – говорю, – я сам справлюсь, ты, бабушка, отработала своё сполна». Не пустил её к баллону.

Завод дал ей однокомнатную квартиру в посёлке, в старом бревенчатом доме, в котором раньше была больница. Ну, хоть с центральным отоплением – не надо топить печку два раза в день. Бабушка живёт там только зимой, а летом – в деревне, в своём столетнем, покосившемся доме в четыре окошка по лицу. Рядом огород, картофельный участок, где трудится сама. А иногда и в храм на праздник пойдёт. Говорит: «Сходишь в церкву и оживёшь, Бог здоровья даёт». Не вытравили советские времена из души потребность в вере.

Лидия Михайловна скромная, доверчивая и совестливая женщина, в то же время очень общительная и деловая, за это её в деревне зовут Делягой, в самом хорошем смысле этого слова. Весёлая, неунывающая и забавная, знает много деревенских прибауток.

Никакие беды и горести не смогли её согнуть, эту маленькую и сильную женщину с непростой судьбой. Дай бог тебе доброго здоровья, бабушка Лида.

ОЗЕРО

Не представляю себе деревенской жизни без водоёма, без воды. В наших местах кроме Волги есть небольшое чистое озеро. Оно находится за бором, полоской овса и небольшим душистым нетопким болотцем на волжском лугу.

В жару старые, почти чёрные мостки через болото так накалялись, что жгли нам босые ноги и приходилось бежать по ним вприпрыжку. Мостки прогибались на середине от нашего веса, звонко брякая расшатанными гвоздями на краях. Мы бежали, а под нами колыхалось волнами от ветерка море зелёной осоки. Только кое-где были бочажки с водой, обрамлённые камышом, – там вели свою птичью жизнь маленькие бурые камышевки. А примерно на середине пути, справа в болоте был родник, где мы иногда пили ледяную воду. Болотце душистое от болотных цветов, что растут по его краям. Когда мостки совсем развалились, перед болотом, справа от тропы, разувались. Сколько тут было обуви: и сандалии, и сланцы, и кеды, и шлёпанцы, и тапочки; было ясно, сколько народу на озере. Тут же оставляли велосипеды. В самую жару болотце пересыхало, и на озеро можно было пройти в тапочках. Потом мужики собирали деньги

на строительство новых мостков, брали по рублю с дома и восстанавливали их.

Какие на лугу душистые запахи разнотравья и многоцветья! Каких только цветов не растёт: и колокольчики на стебле, и ромашки, и скалки, и лютики, и луговые васильки, и кукушкин цвет, и мелкие белые цветочки, и ещё такие, названия которых я не знаю. Перелетают со стебля на стебель жёлтые трясогузки, и чеканят свою песенку луговые чеканы.

Много пользы принесло озеро людям. Скольких детей оно научило плавать, в том числе и меня. Каждый год в жару спасало оно от зноя своей прохладной ключевой водой. Скольким рыбакам, которые ловили здесь золотистых и серебристых карасей, принесло радости и азарта. Даже утоляло жажду. В жару мы целыми днями пропадали тут. Воду пили прямо из озера: заплывали на середину с бутылкой, ныряли, наполняли её и плыли к берегу. Пили все по кругу, и хоть бы что нам. Играли в воде «в догоня», плавали на кем-то принесённой автомобильной камере. Вода в озере местами прохладная из-за бьющих внизу ключей, хочешь – купайся в тёплой воде, а хочешь – в прохладной. Купались до посинения. Чтоб согреться, бегали вдоль озера или запаливали теплоту из сена, от которой было больше дыма, чем огня и тепла. Когда хотелось поесть, жевали щавель, луговой лук и чеснок, цветы клевера, нижний конец стебля тимopheевки – разбирались в растениях. Я был самым настоящим деревенским ребёнком, не хуже других. Целый день мы принадлежали самим себе, полная свобода. Загорали так, что были похожи на цыганят. Вечером с разбегу вскарабкивались на скирду сена, падали на спину и в сенном духе ждали, когда на небе засеребрится первая звёздочка. Домой приходили с сенинами в волосях, голодные и уставшие.

Женщины ходили на озеро с большими бельевыми корзинами на коромыслах полоскать бельё. Старались прийти пораньше, пока ребятня не набаламутила воду. У берега была построена лава, с неё и мыли бельё. А мы раскачивали её и в конце концов ломали, когда долго с неё ныряли.

Раньше в озере водились белые лилии, а теперь – где-где жёлтая кувшинка. Городские дачники безжалостно рвали эти водяные цветы своим барышням, доходило до конфликтов. Они и мусор оставляли после себя, как в городе, видимо, привыкли. Вот и смотрите, у кого культура, у кого понятие о чистоте как о красоте.

Время шло, и жизнь менялась на моих глазах прямо на озере. Помню, раньше приезжали на автобусе из колхозной конторы городские помогать ферме сенокосить. Косили, ворошили и скирдовали сено на лугу возле озера, работали косами, граблями, вилами. Прошло время, и всю работу стал делать один трактор с разными приспособлениями. Он и косит, и ворошит, и сгребает, и упаковывает в кипы, и грузит в прицеп другого трактора, который и перевозит сено на ферму.

Сейчас озеро дичает, зарастает в воде колючей травой и по берегам кустарником. Мало стало народу в деревне, и купаться стали меньше. Дачники по городской привычке ходят плавать на Волгу в цветущей воде с вязким дном, оскорбляя по незнанию наше чистое ключевое озеро словами «пруд» да «бочаг»(!): не понимают, дети асфальта, отдалились от матушки природы так далеко, что уж и пуповина порвалась. Жалко их, а деловые такие, важные. А мы – деревенщина.

«ЖУРАВЛЬ» – ВЫМИРАЮЩАЯ ПТИЦА

Стоит на одной ноге и, задрав голову, тоскливо смотрит в серое небо вслед своим улетающим на юг пернатым собратьям колодец-журавль. Эту «птицу» пора заносить в Красную книгу. Погибает она без заботы и внимания. Перестаёт быть нужной человеку по причине развития цивилизации.

В нашей деревне в Костромском районе было три таких колодца на тридцать шесть домов. Все нарушились. Теперь не скажешь: «Пойду на колодец по воду». Не «за водой», а именно «по воду», так раньше говорили в деревне, так же, как и «по грибы», «по ягоды».

В наше время за водой на улицу уже идти не надо: в каждой избе своя скважина с электронасосом. Нажал кнопку, и вода побежала – минутное дело. А если отключат электричество, то воду можно накачать вручную насосом-качком, правда, подольше будет.

Уже родилось поколение детей, не заставшее этой чудо-птицы, не знающее, что это за деревянный механизм. А устроен он очень просто и в тоже время по-крестьянски мудро.

В землю вкопан толстый столб, метров четыре-пять, который на определённой высоте, вертикально же, расходится в два ствола – в лесу находили подходящее дерево с развилкой. Или близко друг к другу вкапывали два столба. Меж двух стволов или двух столбов на металлической оси закреплено подвижное «кормысло», сделанное из толстой длинной жерди или двух соединённых жердей. Оно крепится так, чтобы утолщённый его конец был опущен, а тонкий поднят. На утолщённой стороне «кормысла» подвешен противовес – какой-нибудь тяжёлый предмет, например колесо от телеги. А на тонкой стороне, на короткой цепи, вертикально висит

шест, на конце которого на металлическом кольце закреплено ведро. Это же кольцо, надетое на большой кованый гвоздь, вбитый в верхнюю часть сруба, удерживало ведро внутри сруба, сопротивляясь силе противовеса. При закрытом деревянной крышкой колодце ведро и вода защищены от мусора. С обеих сторон сруба вплотную пристроены столики-лавочки для вёдер.

Помню, как мальчишкой ходил по воду на колодец. Приду, открою крышку, обязательно загляну в тёмную бездну. Чувствую, как оттуда веет свежестью и прохладой. Почти чёрные брёвна сруба местами немного покрылись зелёным мхом. Крикну туда – отзовётся звонким эхом. Берусь за шест, снимаю кольцо с гвоздя и, преодолевая сопротивление противовеса, опускаю ведро в воду. Журавль кланяется мне, я кланяюсь журавлю. Его хвост задирается высоко в небо. Ведро с громким плеском и брызгами плюхается, тонет, наполняется водой. Теперь я немного ослабляю шест, отполированный сотнями рук, и ведро быстро поднимается из шахты колодца – противовес делает своё дело. Я лишь немного притормаживаю быстрый подъём. Останавливаю наверху, берусь за колодезное ведро и переливаю воду в своё. Поток воды с пузырьками воздуха закручивается в моём ведре и ещё некоторое время продолжает вращаться. Чтобы наполнить второе ведро, повторяю свои действия. Мы с журавлём опять кланяемся друг другу. Потом вешаю кольцо на гвоздь и закрываю колодец крышкой. Сложив губы трубочкой, отпиваю из своего ведра несколько глотков ледяной воды – зубы стынут. Вкусная водица! Несу воду домой, плеская себе на штаны.

Бабушка говорила мне: «Всегда попей немного колодезной воды». Может, оттого она жива и здорова в свои восемьдесят четыре года, что всю жизнь пьёт чистую живую воду.

В боковое окно, в которое я любил смотреть, лёжа на бабушкиной кровати, был виден колодец, он стоял в конце нашей улицы. Точнее, виден был только журавль, а сам колодец скрывал забор, и я не мог видеть, кто пришёл по воду. Когда журавль наклонялся, я с интересом ждал, наклонится ли он ещё раз. И он наклонялся снова. Значит, кто-то пришёл по воду с двумя вёдрами. А если журавль наклонялся один раз, то пришли с одним ведром.

По воду ходили в основном женщины. Бывало, соседки часто встречались у колодца – лишний повод поговорить и обменяться деревенскими новостями между дел. Идёт женщина, а вёдра на коромысле чуть-чуть покачиваются в такт шагам, но вода из них не выплёскивается.

Вот и тоскует журавль, смотря в глубину седых веков, вспоминая молодость, предвидя скорое своё исчезновение. Отслужил человеку этот многовековой элемент русского деревянного зодчества, важная часть крестьянской жизни. Отжил. Останется только упомянутым в песне «На дальней станции сойду», где есть такие слова: «Живой воды поплюю у журавля...». Хорошо, если эта исчезающая «птица» сохранилась в «заповедниках» – музеях деревянного зодчества, где-нибудь на задворках Руси.

«А что значит – уходит старая деревня в небытие? А это значит – рушатся вековые устои, исчезает та многовековая почва, на которой всколосилась вся наша национальная культура: её этика и эстетика, её фольклор и литература, её чудо-язык».
Фёдор Абрамов

БЫЛО ВРЕМЯ...

Мне посчастливилось застать свою деревню полнокровной, настоящей. Это было в восьмидесятих годах прошлого

века. В домах жило по четыре поколения. Прабабушки, бабушки, нас, детей, было полно. На престольный праздник – Тифинскую (Тихвинской иконы Божией Матери) гуляния по всей деревне: пели песни, играли на гармонии. Мы, внуки-правнуки, даже устраивали вечерний концерт, показывали какие-то сценки. Народу было много. Шумно, весело, не только в праздники, а вообще.

Ферма работала от совхоза. Мы детьми ходили туда смотреть на скотину, что там и как. Были в коровнике, телятнике, свинарнике, конюшне, кузнице, и никто нас не прогонял с территории – понимали, наверное, что дети должны приобщаться к труду и всё видеть собственными глазами. Все поля засеивались и вовремя убирались комбайнами. Прекрасное социалистическое время!

Коровы своей у нас уже не было, и мы ходили помогать сенокосить бабушкиной сестре коке Натале. Я научился косить, ворошить траву, носить сено на граблях в копну или в стог. Запах душистого сена навсегда врезался в мою память.

Рядом с деревней, только перейти дорогу, был сосновый бор, молодой, душистый, с полоской зелёных дубков. Много времени проводили там. Играли в песке в машины вместе с девчонками, в войну, стреляли из рогаток, рыли землянки. По вечерам ловили майских жуков. Под одинокой сосной жгли костёр и пекли картошку. Смотрели на проплывающие вдалеке по Волге большие белые теплоходы, огни которых дрожавшей рябью отражались в тёмной воде. Смотрели на звёзды, пролетающие спутники, замечали падающие метеоры.

На бору кое-где росли маслята, по краю – земляника. На соснах жили совы. С бугра можно было видеть, сколько на озере купается народу. На краю бора лазили по свалке сельхозтехники, отработавшей свой срок и вывезенной с фермы.

Любил проехать на велосипеде по нашей тропинке через весь бор и остановиться на высоком краю, откуда открывался прекрасный вид на Волгу. Справа за рекой видна церквушка Самети, почти прямо вдалеке – церковь села Петрилово, слева – высокая колокольня Петропавловского храма села Петропавловское, что уже в Ярославской области. Волга здесь делает небольшую дугу. Вечером отсюда можно наблюдать неповторимые волжские закаты. Когда солнце опускалось к заволжскому лесу, на воде появлялась блестящая солнечная дорожка. Сюда любил приходить дедушка, созерцать и думать о своём или встречать меня с озера. Какое счастливое было время! Что в деревне, что в стране. Солнечное было время.

В 1985 году сосновый бор пустили под нож бульдозера – разровняли место под городские дачи. Молодые сосенки и дубки сослужили последнюю службу: сгорели в деревенских печах, отдавая тепло. Только с одного края осталось несколько сосен как напоминание о некогда растущем здесь боре.

В связи с переменами в стране нарушилась ферма. Строения разломали на кирпичи и растащили на свои строительные нужды. Остался один коровник, где держит несколько бурёнок фермер из соседней деревни. Поля зарастают деревьями, луга фермер выкашивает трактором.

Деревня обезлюдела. Многих уж нет на этом свете – и старых, и молодых. Из того поколения, поколения моих бабушек, осталось трое: одной восемьдесят три, другим перевалило за восемьдесят пять. Два дома сгорели, два разрушились, несколько стоят пустые. Круглогодично живут только в восьми домах, остальные стали дачными. Правда, три новых построили, но тоже летних.

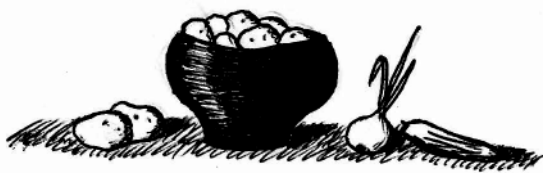
Два года назад провели в деревню газ. Надо было проводить его ещё лет тридцать назад, когда деревня была полной,

тогда газ требовался в каждый дом! А теперь что? Газа дождались только внуки к середине жизни.

Деревня – значит деревянная, сделанная из дерева. Теперь же она превращается в пластиково-сайдинговую. Дышащие живые брёвна закрываются пластиком. Деревянные окна меняют на пластиковые стеклопакеты. Наверное, это практично. Но как нелепо звучит: «русская изба с пластиковыми окнами». Дом остаётся безликим без наличников, неинтересным. Резные наличники стали не нужны, а они были непотворимы на каждой избе!

Теперь в домах зияют в ряд по три тёмных дыры в белой бездушной опрае. Для нового поколения это будет нормой. Из деревни уходит естественность, индивидуальность. Она перестаёт быть настоящей. А самое главное – уходит Красота! И так повсеместно.

Время, к сожалению, не стоит на месте. Постоянно всё идёт, бежит, летит куда-то. Та, настоящая родная деревня, остаётся только в светлой моей памяти. Уходит Русь избыная, Русь деревянная. Уходит, уходит... А жаль...

Словарь некоторых местных и старинных слов и выражений.

Багагай (с мягким «г») – шумно ведущий себя человек.

Барда – картофельные остатки после производства крахмала.

Бардянка – большая круглая корзина с двумя ручками из крупного тала.

Булгачить – беспокоить, напр.: разбулгачил кур на насесте.

Голик – облетевший веник, им обметают обувь от снега.

Вали – валяй, давай, напр.: вали, принеси-ка мне то-то.

Взбубетенить – привести в беспорядок, напр.: взбубетенить постель.

В один хлоп – зимой выйти из избы вместе, друг за другом для экономии тепла.

Вязянки – вязанные перчатки.

Гремтится – думается.

Даве, давеча – не так давно.

Зимогорить – безобразничать.

Искирёк – кусочек хлеба.

Киша – кислятина.

Кисленица – квашеная капуста на щи.

Клука – курица-наседка.

Кока – крёстная, крёстный.

Колобушки – выпечка из пресного теста.

Куть, закуток – кухня в избе, уголок кухни.

Лабаз – магазин.

Ледина – полянка.

Любованный – прекрасный, не налюбуеться.

Любота – красота.

Мизгирь – паук.

Набирушка – круглая корзина среднего размера с одной ручкой для картошки, лука.

Наничье – изнанка, надел на нанику – на изнанку.

Обихаживать – приводить в порядок кого-либо, что-либо.

Обробел – справился с испугом, страхом.

Озёпать – сглазить.

Опростать – опорожнить.

Отволгло – отсырело.

Отдать – подвинуть в сторону; отдайся отсюда – отойди.

Охрычки – неаккуратно торчащие волосы.

Охряндывать – обихаживать сожителя, нелюбимого.

Падог (батог) – палка для ходьбы.

Палестина – поляна.

Паут – слепень.

Перемотина – худющий человек.

Плаха (в нашей местности) – нетолстые брёвнышки.

Подсобить (пособить) – помочь.

Полохало – всполошившийся человек.

Пононо (Снафида) – нелепо одетая женщина.

Приколки – прищепки.

Приступка – ступенька.

Прореха – дыра, дырка.

Поседки — пойти в поседки, т.е. на посиделки.

Посиденки — участницы посиделок.

Посулить – пообещать.

Пуплыш – зародыш огурца, гриба.

Расхлебенить – раскрыть, напр.: «что двери расхлебенил, комары налетят».

Роскубрить – открыть банку.

Рукосуй – неаккуратный человек.

Сельник (сенник) – холодное помещение в избе, на его полке хранили сено, чулан.

Скрой – кусок хлеба, больше искирька.

Сноровлять – от слова сноровка, стараться сделать хорошо.

Солощий – охоч до чего-нибудь.

Сробеть – испугаться.

Тенето – паутина.

Телепень – медленный, заторможенный человек.

Телепнуть – попробовать что-либо, может даже украдкой.

Третеньи – от «третьего дни», позавчера.

Тюрик, тюричок – мешок, мешочек.

Умалеть – утушиться в печи до коричневого цвета: картошка умалела.

Устилаться – стелить постель.

Утирка – полотенце.

Фефёла – нескладный, неуклюжий человек.

Царапка – огородный инструмент для рытья картошки.

Чередом – хорошо сделать, последовательно.

Черепеня – кошачья миска.

Черёдный – правильный.

Этта – недавно, на днях.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
От автора	5

КТО РАНО ВСТАЁТ рассказы

1. Первая ягода.....	8
2. Кто рано встаёт.....	11
3. Запах дедушкиной машины.....	15
4. Первый заработок.....	17
5. Бабка Саша	21
6. Наука о дровах.....	24
7. В посадках	27
8. Лошадь.....	31
9. Три письма из деревни.....	33
10. Зимой в деревне.....	37
11. На птичьей кормушке.....	39
12. Помаленьку	42
13. Красная чайка	45
14. Баня	46
15. Угли для самовара.....	49
16. Гроза	52

«КОСТРОМСКИЕ ИЗЛИШКИ» рассказы деревенских жителей

17. Плотник из-за Волги	58
18. Леший	59
19. Странная картина.....	60
20. Колдовали, бывало	61
21. Униженные, или «Костромские излишки»	65
22. Дядя Коля.....	67

23. Лазарь Рябешкин	67
24. Машке на рубашку.....	68
25. Баня-землянка	69
26. Ранним утром	69

БЫЛО ВРЕМЯ...

очерки

27. История нашей местности.....	73
28. История моего деда	83
29. На трудовом фронте.....	92
30. Женская доля	94
31. Озеро.....	98
32. «Журавль» – вымирающая птица	101
33. Было время.....	103

Словарь некоторых местных и старинных слов и выражений.....

107

Юрий Викторович ФОКИН
УВАРОВСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

Редактор В.И. Лысенков
Корректор Л.Н. Булычёва

ООО Издательский Дом «Серебро Слов»

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Телефон: 8(926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Подписано в печать 16.06.2014 г.

формат 60x84/16 Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro

Усл. печ. л. 7,21. Тираж 450 экз. Заказ № ???

Сверстано и отпечатано в филиале

ГУП МО «КТ» «Воскресенская типография»

140200, г. Воскресенск Московской области, ул. Вокзальная, дом 30

E-mail: vosprint@mail.ru